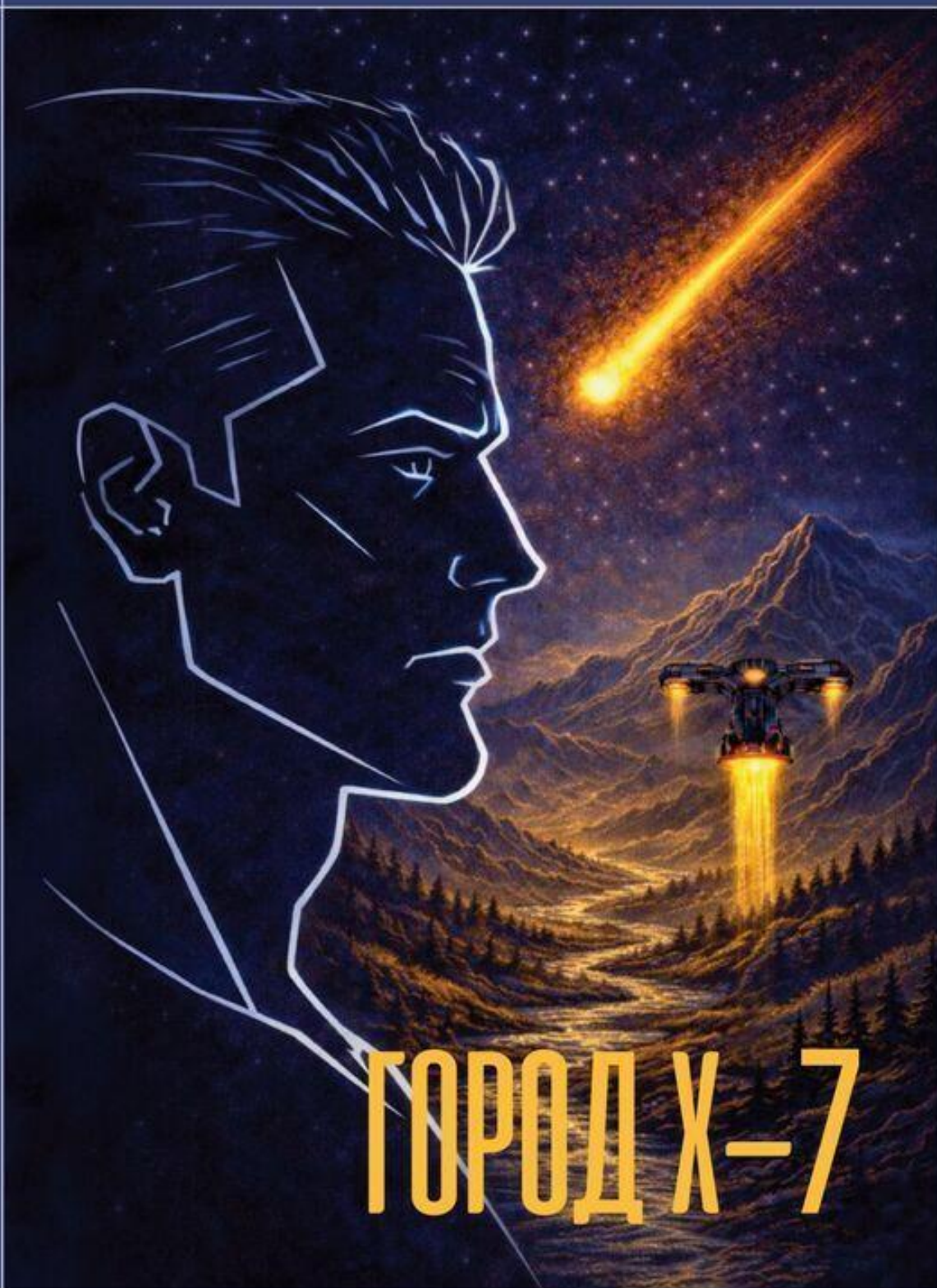

18+

ЛЕОНИД НАУМОВ

ГОРОД X-7

Леонид Наумов

Город X-7

«Издательские решения»

Наумов Л.

Город X-7 / Л. Наумов — «Издательские решения»,

На Землю мчится космический объект. Николай Пантелеев становится участником секретной программы «X»: ему поручено построить подземный город для спасения человечества. Но со временем выясняется, что заявленные цели проекта не совпадают с реальностью, траектория полёта космического объекта подозрительно выверенная, а странное мерцание говорит о помощи откуда-то издалека. Пантелееву предстоит выбрать: вступить в смертельную схватку за право жить на Земле или найти спасение за пределами планеты.

© Наумов Л.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1.	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	35
Глава 11	37
Глава 12	41
Глава 13	43
Глава 14	45
Глава 15	48
Глава 16	56
Глава 17	60
Глава 18	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Город X-7

Леонид Наумов

© Леонид Наумов, 2026

ISBN 978-5-0069-8209-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Настоящее

Глава 1

Резкие удары каблуков ботинок по мраморному полу отдавались эхом по длинному коридору. Мужчина, на вид слегка за пятьдесят, бывал на этом этаже редко, лишь по особым случаям, когда его вызывало к себе начальство. Обычно он старался насладиться моментом и максимально растянуть ощущение собственной важности: неспешно прогуляться по длинным коридорам, попутно изучить висящие на стенах картины, перекинуться несколькими фразами с коллегами, пусть даже и на самые пустяковые темы — всё это доставляло ему несказанную радость. Но сейчас приходилось бороться с чувством тревоги, нарастающим с каждым шагом по мере приближения к кабинету. Раз его вызывали в такой поздний час да ещё и в выходной день, случилось что-то из ряда вон выходящее, что-то, о чем нельзя сообщить даже по защищенной линии связи. Он впервые видел этот этаж таким безлюдным — отовсюду веяло неприятным холодом. Впереди показались несколько ступенек, после которых на полу лежал ковёр, чтобы начальство не отвлекалось на посторонние звуки. Как только он ступил на ковёр, звуки от ботинок пропали, но теперь был слышен бешеный стук его сердца.

— Ох, не к добру, не к добру... — шептал он, сбавляя шаг, чтобы перевести дух и вытереть пот с лица.

Повернул за угол — до кабинета оставалось всего двадцать шагов. Оказавшись перед массивной дверью, сделанной из красного дерева, мужчина выпрямился, скользнул рукой по короткостриженной голове, на которой виднелись несимметричные залысины в разных местах, подтянул брюки, одернул пиджак и потянулся руками к галстуку, чтобы проверить, хорошо ли он завязан. Но, дотронувшись до воротника, ужаснулся — галстука не было!.. Спешные сборы посреди ночи дали о себе знать. Сначала на автомате он развернулся, сам не зная, с какой целью, ведь идея поехать обратно ради галстука была безумной. Но долго пребывать в нерешительности ему не пришлось.

— Входи давай, чего ты там застыл, — послышался голос из-за двери.

Он вошел. Кабинет, обычно хорошо освещенный и красиво обставленный, казался серым и угнетающим. Единственным источником света служила настольная лампа, излучающая бледно-желтое свечение. Густой табачный дым, разлетевшийся по всем углам, напоминал туманную дымку.

— Садись, — приказал хриловато-осипший голос.

Он молча сел, не задавая никаких вопросов. Знал, когда от него что-то потребуется, ему дадут знать. Начальник взял портсигар, который из-за блеклого освещения слился со столом, вытащил сигарету и нащупал рукой в пучине дыма зажигалку.

— Читай, — последовал приказ, и ему была протянута картонная папка.

За свою долгую карьеру мужчина, чей нос был с горбинкой, неоднократно держал в руках самые разные папки: одни были скучными и банальными, нагоняющими тоску, другие, наоборот, имели гриф секретности, отчего их содержимое будоражило сознание. Но с подобными той, что сейчас лежала перед ним, он никогда не сталкивался. На чёрной папке был лишь один опознавательный символ — красный восклицательный знак в верхнем правом углу. Немного помедлив, прежде чем открыть её, ощущая на себе тяжелый взгляд начальника, мужчина взял ее в руки и принялся изучать содержимое.

В папке было всего три листа, но он уже знал, что ничего хорошего ждать не придется. Сначала бегло ознакомился с содержимым: на первом листе был сплошной текст, на втором расположились фотографии, напоминавшие коллаж, на третьем красовались чертежи и какие-то расчёты. В области живота начались спазмы, но, не подавая вида, он принялся всё изучать. Внимательно ознакомившись с информацией, потянулся к горлу, чтобы ослабить узел галстука. А когда вспомнил, что его там не было, беспомощно поднял голову, посмотрев на начальника. Сложив листочки аккуратно в папку, он протянул её обратно. Дыхание спёрло.

— Что скажешь? — поинтересовался начальник, доставая очередную сигарету из портсигара. Он сделал глубокую затяжку и медленно выдохнул, из-за чего его лицо скрылось в облаке дыма.

— Я... Ээ... — в горле першило из-за дыма, и ему едва удавалось сдерживаться, чтобы не раскашляться. — Это достоверная информация?

— Настолько, насколько это возможно в такой ситуации, — отстраненно ответил начальник, всем своим видом показывая разочарование от вопроса подчиненного.

— Даже не знаю, что сказать. Мне нужно время, чтобы всё это переварить... — отвечал он извиняющимся тоном, отчетливо уловив настроение собеседника.

— У нас впереди много работы, — тон сменился на приказной.

— Да... Но... Я... — мямлил он, не глядя на говорившего.

— Ты чего это распустил нюни, соберись немедленно! — взорвался тот.

Мужчина поднял голову. Начальник придвинулся вперед, и очертание нервно-озлобленного лица стало проступать через расплывшийся по сторонам дым.

— Надеюсь, ты осознаешь уровень ответственности и доверия к тебе?

— Конечно.

Начальник достал из ящика стола ещё одну папку: такую же чёрную, но на этот раз с буквой «X» посередине. Не успев докурить сигарету, он уже тянулся к портсигару за следующей. Заметив, что осталась всего одна сигарета, он брезгливо поморщился. Резким движением пальцев левой руки толкнул папку в сторону своего подчиненного. Тот, снова немного медля, открыл её и быстро ознакомился с содержимым.

— Все понятно? — Это было скорее утверждение.

— Да.

— Тогда можешь идти.

Он, как и в случае с первой папкой, аккуратно сложил всё обратно, встал из-за стола и спешно покинул кабинет. По коридору шел медленно, опираясь одной рукой на стену. Больше всего ему хотелось, чтобы это был сон, ночной кошмар, после которого он проснется и не будет ничего помнить.

Глава 2

Двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять, тридцать...

Полковник в отставке Николай Петрович Пантелеев закончил последнее отжимание, встал, подошел к рабочему столу, взял небольшое полотенце, которое заранее подготовил, и вытер проступившие на лбу капельки пота. Сегодня была пятница, а это значит, что он почти весь день читал в своем кабинете отчеты разных отделов о проделанной за неделю работе. Чтобы хоть как-то разнообразить рутинный день и добавить немного активности, он старался каждые несколько часов делать небольшую зарядку, благо в его кабинете все для этого было: по правую сторону от массивного рабочего стола, сделанного из слэба карагача, висела боксерская груша, было несколько типов гантелей разных весов и турник. Пантелеев придерживался мнения, что спортивная деятельность здорово стимулирует мозговую активность и помогает лучше справляться со стрессом. Полковник сел за стол, взял бутылку с водой, сделал несколько глотков и, уткнувшись в большой монитор, погрузился в работу. На сегодня никаких встреч запланировано не было, и ему оставалось только ознакомиться с отчетом отдела по разработке спутниковых технологий. Предвкушая предстоящие выходные, он погрузился в документы. Внимательно изучая данные и скрупулезно рассматривая различные чертежи, он лишь изредка бурчал себе под нос: «Хмм, интересно, интересно. Даже так... Ну надо же». Наконец с отчетом было покончено. Открыв ящик стола, располагавшийся с левой стороны, Пантелеев достал оттуда блокнот и сделал несколько заметок по итогам прочтенного отчета.

«Оставляю это до понедельника — вдруг за выходные ещё что-то придёт в голову», — радостно подумал полковник, ознаменовав таким образом конец тяжелой рабочей недели.

Он убрал блокнот обратно в ящик, взглянул на часы и был приятно удивлен: «15:24, прекрасно. Пораньше закончу сегодня». Пантелеев встал из-за стола, надел пиджак, который аккуратно висел на спинке кресла, взял бутылку воды и оглядел свой кабинет. Он был одним из тех людей, у которых в кабинете всегда был порядок, особенно на рабочем столе — даже если во время работы на нем и были какие-то документы, то перед уходом полковник все аккуратно складывал и убирал в ящики, чтобы поверхность всегда была чистой. Убедившись, что порядок на столе отвечает его стандартам, он прошел мимо большой интерактивной карты мира: к ней можно было подойти, выбрать любую страну и даже город, и перед пользователем появлялись все новости о выбранной локации за указанный промежуток времени. Пантелеев каждый раз восхищался этой картой, отмечая, как много времени можно сэкономить, сфокусировавшись только на тех новостях, которые по-настоящему важны. У выхода стоял небольшой шкаф, в котором висел запасной костюм, несколько рубашек и галстуков, а также верхняя одежда — сегодня это было кашемировое пальто серого цвета, сшитое на заказ у одного очень известного портного Москвы. Не то чтобы Пантелеев любил тратить деньги на дорогие вещи, но этот портной, Макеев Максим, а для него просто Максимка, был старинным другом полковника — они вместе учились в школе, проведя большую часть времени за одной партой. А кашемировое пальто было по такой приятной цене, что жена полковника настояла на необходимости его покупки. Пантелеев покинул свой кабинет и миновал приемную, в которой никого не было. Он принципиально отказывался от ассистента или секретаря, считая, что это только усложняет выстраивание рабочего процесса, ведь во все свои дела и планы надо интегрировать другого человека, а это всегда тяжело. Зайдя в лифт, он нажал на самую нижнюю кнопку и уже через минуту шел по подземной парковке, где его ждал служебный «Москвич». Машина была черного цвета и блестела.

«Не зря покрыл воском», — одобрял свой же поступок полковник.

Полковник обогнул машину и нежно, так, чтобы не оставить следов на кузове, провел кончиками пальцев по двери. «Москвич» не только несказанно радовал полковника во время

вождения, но и заставлял его гордиться российским автопромом. Ещё каких-то 15 лет назад на рынке российской автопромышленности все поставили окончательный крест. И вот, когда техническое и технологическое отставание от других машин было признано критическим, на горизонте появился предприниматель Антон Силантьев. Он, успешно занимаясь внедрением инновационной робототехники во все возможные сферы жизни, решил попробовать себя в новой отрасли. Спустя всего пару лет с конвейера сошел первый «Москвич-С», ничем не уступающий зарубежным аналогам. Сегодняшняя модель полковника была уже третьим поколением обновленного «Москвича», и по уверениям самого Пантелеева, эта машина значительно превосходила любые западные аналоги.

Пантелеев открыл заднюю дверь, повесив на специальную вешалку своё пальто, и уже собирался садиться за руль, как боковым зрением увидел приближающуюся машину. Он почувствовал странную вибрацию, исходящую откуда-то изнутри, из самых глубин сознания, поэтому замер, обратив свой взор на машину. Роскошный автомобиль чёрного цвета начал сбавлять скорость, подъезжая к «Москвичу». Полковник не мог поверить своим глазам — на краю капота красовался бегущий олень.

— Да это же «Чайка»! — безошибочно определил он. — Но как это возможно? Она снята с производства много лет назад.

Автомобиль был невероятно эффектным, он вобрал в себя прелести технологического прогресса, при этом не утратил историческую аутентичность. Аккуратные изгибы кузова подчёркивали все прелести внешнего вида, а звук мотора даже на минимальной скорости давал понять, что под капотом находится настоящий зверь. «Чайка» остановилась, и из нее вышел мужчина приятной внешности, одетый в классический костюм черного цвета; рубашка и галстук также были чёрными.

— Николай Петрович? — обратился он к Пантелееву.

— Да, — спокойно ответил полковник, хотя внутренние вибрации усилились.

— Архипов, Петр Иванович, — представился незнакомец.

— Чем могу помочь? — поинтересовался Пантелеев.

Прежде чем ответить, Архипов достал из внутреннего кармана пиджака небольшое приспособление круглой формы. На нем был один переключатель — вверх и вниз — и маленький индикатор красного цвета. Когда Архипов поменял положение переключателя, то на приборе загорелся зеленый цвет вместо красного.

— Это вакуумный ограничитель, — начал объяснять незнакомец. — Он создает особое поле вокруг нас, и наш разговор никто не сможет подслушать. Мы можем даже кричать, а звук не выйдет за пределы поля. Те, кто находится вне этого вакуума, будет наблюдать лишь две размытые фигуры, что гарантирует полную приватность нашей беседы.

Архипов говорил это таким обыденным тоном, словно это было совершенно естественно и тут нечему было удивляться. К счастью, Пантелеев прекрасно знал, как работает это устройство. Он уже сталкивался с подобным во времена службы, однако тогда это приспособление было размером с холодильник.

«Надо же, когда оно такое портативное, то, конечно, намного практичнее. Вопрос только в том, откуда такая разработка у него? И кто он такой?» — подумал про себя полковник.

— Николай Петрович, завтра в 10:00 утра вам назначена встреча. Вопрос чрезвычайной важности, — напористо сказал Архипов, скорее ставя полковника перед фактом, нежели ведя с ним диалог.

От такого напора Пантелеев слегка опешил.

— Петр Иванович, я, вероятно, прослушал, кто вы и откуда, — размеренным тоном ответил полковник.

— Речь сейчас не обо мне, — продолжал напирать Архипов.

Пантелеев немного наклонился вбок, посмотрев за плечо Архипова. Он окинул взглядом «Чайку», потом вернулся в исходное положение и несколько раз осмотрел своего собеседника. Было несложно догадаться, что полковник, не получив ответ на свой вопрос, решил самостоятельно выяснить, что происходит. Архипову эта игра доставляла явное удовольствие. Он внимательно смотрел на Пантелеева с ехидной улыбкой.

— Полагаю, настолько важное, что никаких деталей вы раскрывать не можете? — с некоторым вызовом спросил полковник.

Архипов в ответ продолжал улыбаться.

— Ну что же, Петр Иванович, если вы не хотите говорить мне ничего, позвольте мне самому сделать кое-какие выводы. Черный костюм и черная рубашка — интересное сочетание, — начал Пантелеев. — На человека из сферы моды вы никак не тянете, значит, это ваш рабочий образ. Для какого-нибудь рядового министерства слишком мрачно. «Чайка» великолепна. — Полковник ещё раз окинул её взглядом и понял, что на её фоне «Москвич» уже не кажется ему таким прекрасным. — Но я сильно сомневаюсь, что такую машину может купить каждый. Поэтому снова исключаем рядовое ведомство. Вы приехали с водителем, но при этом сидели на переднем сиденье, а не на заднем. Этот факт также позволяет сделать некоторые выводы. — От ехидства на лице Архипова не осталось и следа. — Ну и, наконец, вакуумный ограничитель. Я встречал подобную технологию, но не в таком портативном виде.

— И что же дальше? — спросил Архипов, на лице которого появилась некоторая озадаченность, перекликающаяся с интересом.

— Если вы не хотите ничего мне объяснять, то я полагаю, что у меня есть полное моральное право оставить свои выводы при себе.

— Николай Петрович, я здесь не для того, чтобы играть с вами в игры и наблюдать, как вы изображаете Шерлока Холмса. Однако ваша наблюдательность, бесспорно, заслуживает поощрения. Вы правы, я не из министерства и не из какого-то, как вы выразились, рядового ведомства. Я представляю тайную службу, её предназначение — решение самых сложных и нестандартных задач. Наша работа — это поддержание хрупкого баланса, на котором держится наш мир.

— Вот как? И что же вам нужно от меня?

— Не люблю повторяться.

— Завтра состоится встреча, на которой я должен быть. А где же она пройдет? Или...

— Скажем так: в одной исторически значимой постройке из красного кирпича в центре Москвы, — быстро ответил Архипов, не дав Пантелееву закончить вопрос.

Полковник нахмурил брови, обдумывая то, что ему только сказал Архипов. Выдержав небольшую паузу, Пантелеев продолжил:

— Вы хотите сказать, что встреча пройдет в Кремле?

— Все, что я хотел сказать, я сказал.

Пантелеев снова взял паузу. Он стал морщить лоб и сжимать губы.

— Завтра у меня...

И снова Архипов, будто бы заранее зная, что скажет Пантелеев, не дал ему договорить.

— Николай Петрович, я знаю, что завтра у вас с супругой годовщина. Двадцать пять лет со дня свадьбы. Внушительно, однако. Кажется, это серебряная свадьба?

— Верно.

— У вас забронирован столик в вашем любимом ресторане на 14:00, а вечером вы планировали покататься на корабле по Москве-реке.

— Вы прекрасно осведомлены, и это немного пугает.

— Не бойтесь, Николай Петрович. Я вас уверяю, что мне известны вещи и пострашнее, чем ваше расписание на завтра. А когда вы узнаете, что именно за встреча вас ожидает, вы поймете, почему мы так хорошо вас изучили.

— Видимо, отказаться я не могу?

— Я рад, что мы быстро друг друга поняли. — На лице Пантелеева была некоторая осторожность и неуверенность, поэтому Архипов постарался его немного приободрить. — Я понимаю, что это все неожиданно, и такие коррективы планов приносят вам неудобства в столь важный день. Позвольте мне помочь вам.

— Как?

— Завтра в 9:00 утра за вами заедет водитель на этом самом автомобиле, — Архипов показал рукой на стоящую рядом «Чайку». В 10:00 другой водитель заберет вашу супругу и отвезет в Центральный дом Музыки. Представляете, по счастливому стечению обстоятельств ее любимый пианист сейчас в Москве, и он любезно согласился устроить персональный концерт для Ольги Дмитриевны. После концерта у нее будет возможность выпить кофе в компании музыканта, а к 14:00 она будет доставлена в ресторан. И вы, кстати, тоже. Я взял на себя ответственность немного изменить вашу программу — после ресторана вас ждет особая выставка в Третьяковской галерее, а уже потом...

Пантелеев, помня, как собеседник дважды не давал ему закончить свой вопрос, решил поступить также.

— Особая? — Архипов был явно не в восторге, что его перебили.

— Особая, да, — ответил он ледяным тоном, показывая всем своим видом недовольство из-за того, что его прервали. — Галерея завтра будет закрыта. Официальная причина — технические работы. На деле она будет работать для вас с супругой, и вы можете насладиться уникальными работами, недоступными в обычные дни никому.

Пантелеев постарался не показывать эмоций. Конечно, он не был особо рад такой неожиданной программе, ведь, во-первых, он ненавидел музеи и галереи, а, во-вторых, что за тайная встреча — в субботу. Не забыл он и про постройку из красного кирпича. Неужели речь действительно идет про Кремль? Но что там нужно от меня? Вопросы обильно посыпались в голову полковника, но ответов на них не было.

— А что с поездкой на корабле? — вырвалось у полковника, хотя думал он совершенно о другом.

— После галереи вас будет ждать корабль с живой музыкой и вкусным ужином. Я распорядился, чтобы вас обслужили по высшему разряду.

Полковник понимал, что разговор подходит к концу. Он получил максимум информации, которая была доступна ему в этот момент.

«Надо признать, что предложенная программа выглядит неплохо. Если бы только не галерея», — подумал он про себя.

— В 9:00 утра я буду готов, — строго сказал полковник.

Архипов одобрительно кивнул головой и направился к машине. Перед тем как сесть в нее, он добавил: «Николай Петрович, после корабля наш водитель, конечно же, довезет вас до дома. Надеюсь, вечер будет чудесным. Ах да, чуть не забыл — как бы вскользь упомянул Архипова. — Уверен, я мог бы этого и не говорить, но просто на всякий случай — и наш разговор, и завтрашняя встреча строго конфиденциальны.

Пантелеев ничего не ответил. В голове был круговорот мыслей, который выразался в одном-единственном вопросе: «Что, чёрт побери, происходит?»

Тем временем «Чайка» завелась, передние колеса повернулись на 90 градусов, и через несколько секунд машина совершила разворот на 180 градусов. А ещё через мгновение она резво тронулась с места. Полковник постоял ещё несколько минут, затем приложил большой палец к ручке двери, свет в салоне загорелся, и фары приветственно замигали. Обычно Пантелеев управлял машиной сам, но сейчас он понимал, что слишком встревожен, чтобы сосредоточиться на дороге и получить хотя бы каплю удовольствия от вождения. Он сел за руль, пристегнулся и произнес: «Едем домой. Включить режим автопилота».

Всю дорогу полковник думал о том, что же завтра ему предстоит узнать. Он перебирал разные варианты, однако ни один не казался ему подходящим. На подъезде к дому он немного успокоился и перевел «Москвич» в режим ручного управления, чтобы хоть немного порулить самому. Когда же он доехал до дома, то подошел к входной двери и провел свой традиционный ритуал: закрыл глаза, сделал три глубоких вдоха, оставив работу и все проблемы за пределами дома, и вошел в квартиру.

Глава 3

Пантелеев проснулся рано утром, за час до будильника. Ночь была беспокойной, нормально поспать так и не получилось. В голове постоянно крутились мысли о предстоящей встрече. Он бесшумно встал с кровати, чтобы не разбудить спящую супругу, и вышел из комнаты. Накануне полковник сказал жене, что ему придется поехать на работу, не уточняя никаких деталей. Ольга, в свою очередь, не стала уточнять — это было давней традицией. Если муж что-то захочет ей рассказать, он сделает это. Им всегда есть о чем поговорить и без распросов о том, что происходит на работе. Пантелеев добавил, что он внес небольшие коррективы в субботний день, однако это сюрприз, она все узнает сама, но обед состоится по расписанию. Полковник сделал утреннюю гимнастику, принял холодный душ, побрился и пошел на кухню. Аппетита не было, и чем ближе время подходило к 9 часам, тем больше он волновался. Заставив себя съесть яичницу из двух яиц и запить это чашкой кофе, Николай Петрович отправился в гостиную. Там он заранее спрятал несколько записок для жены — каждая была подсказкой, которая приведёт к следующей. В итоге Ольга должна была найти все 4 подсказки и обнаружить главный подарок — серьги, которыми она грезила целый год. Пантелеев быстро разложил подсказки — первая отправилась в ванну, вторая была спрятана в гардеробной, третья расположилась на кухне, а четвертая — в гостиной. Сам же подарок — небольшая квадратная коробочка — находился в стеклянной витрине, за одной из совместных фотографий. Закончив с приготовлениями, он пошел одеваться. Николай Петрович выбрал темно-синий костюм, голубую рубашку и фактурный галстук синего цвета, органично сочетавшийся и с рубашкой, и с костюмом. Дальше он добрался до прямоугольной коробочки, в которых хранились часы. Он окинул взглядом всю коллекцию: она насчитывала 6 разных моделей — и остановился на отечественной классике: механические часы «Восток», которые ему подарили на 45-летний юбилей бывшие коллеги по Министерству обороны. Посмотрев на себя в зеркало, он остался доволен своим внешним видом. До приезда водителя оставалось ещё 20 минут, поэтому полковник взял свои ботинки и начал их чистить. Чистка обуви была чем-то вроде ритуала для Пантелеева, который он никому не доверял, даже любимой супруге. В прихожей в ящике у него была небольшая коробочка, в ней находилось все необходимое для чистки — несколько губок, различные тряпки, целый набор восков, спрей для защиты от воды и грязи и набор освежителей с разными вкусами. Полковник взял ботинки и принялся их натирать. Когда отражение люстры на потолке на его обуви стало бить по глазам, он остановился и с чувством гордости и нескрываемой радостью убрал все сначала в коробочку, а потом обратно в шкаф. Пальто он выбрал строгое — черное, классическое. На часах было почти 9 утра, водитель должен был вот-вот приехать. Он услышал, как проснулась супруга, которая пошла в ванну, и подумал, что ему очень хочется вручить подарок лично. Или хотя бы понаблюдать, как жена будет искать подсказки. Но в этот момент в его голове снова закрутились мысли о предстоящей встрече, он одернул себя, строго сказав самому себе, что опаздывать нельзя. Грустно вздохнув, Пантелеев вышел из квартиры и направился на улицу.

На часах было без пяти минут девять, но «Чайка» уже стояла прямо около подъезда. С утра при естественном освещении она выглядела ещё эффектнее, чем накануне. Над внешним видом машины потрудились на славу: чопорной прямоугольной форме удалось придать одновременно изящество и благородство, отчего все остальные машины просто меркли на её фоне. Пантелеев подошел к ней, открыл заднюю дверь и сел внутрь. Он сразу же обратил внимание на ни с чем не сравнимый запах нового автомобиля. Кожаный салон был настолько мягким и приятным на ощупь, что полковник на секунду вовсе забыл о том, куда ему надо ехать. Он обменялся приветствиями с водителем, и они сразу же поехали. Пантелеев жил в центре Москвы, в двух минутах ходьбы от Старого Арбата. По меркам крупного мегаполиса это ещё раннее утро,

поэтому количество машин можно было пересчитать по пальцам. «Чайка» скользнула по переулкам и быстро оказалась на улице Знаменка, проехав кинотеатр «Художественный», который после реставрации словно обрел вторую жизнь. На секунду полковник задумался, почему они ни разу так и не сходили туда с Ольгой, хотя неоднократно обсуждали это. На прямом отрезке дороги водитель надавил на газ, дав возможность «Чайке» продемонстрировать мощный рык мотора.

«И даже мотор звучит по-особенному», — зачаровано отметил про себя Пантелеев.

Очень скоро перед глазами Пантелеева быстро открылся вид на Кремль. Могучий, величественный краснокаменный гигант — символ России, который отождествляет собой уникальный исторический путь. От мысли, что встреча может пройти там, у полковника забило сердце. Он вдруг резко осознал, как ему не нравится неизвестность, в которой он пребывал. На Боровицкой площади полковник занервничал ещё сильнее, потому что машина направлялась дальше по дороге, в противоположную от Кремля сторону. Когда «Чайка» была на середине Большого Каменного моста, полковник, озираясь назад, понял, что в Кремле его не ждут.

— Простите, а куда мы едем? — строго поинтересовался полковник.

— Почти приехали, осталось буквально две минуты, — спокойно ответил водитель, который, в отличие от Пантелеева, точно знал, куда они направляются.

— Я думал, нам в Кремль, — небрежно произнес Пантелеев, желая посмотреть на реакцию водителя.

— Кремль? Мне ничего об этом неизвестно, — удивленно ответил водитель.

Машина тем временем проехала мост, свернула с Болотной и оказалась на Берсеневской набережной. Узкая улица с односторонним движением начала давить на Пантелеева, он чувствовал себя словно в западне, откуда не сбежать. Впереди уже показалась величественная статуя Петра 1, устремившего свой взгляд куда-то вдаль. Обогнули улицу, и перед глазами полковника открылся вид на Храм Христа Спасителя, чьи золотые купола буквально светились благодаря яркому солнечному свету. Неожиданно Пантелеев громко выдохнул и тихо, себе под нос, выругался. Справа он заметил здание «Красного Октября» — кирпичное строение красного цвета в самом центре Москвы. «Чайка» стала притормаживать и повернула направо к главным воротам фабрики. Пантелеев впервые оказался так близко к фабрике, поэтому только сейчас заметил, что ворота были неестественно массивными для бывшего производства кондитерских изделий. «Чайка» остановилась, а полковник, не теряя времени, внимательно смотрел по сторонам. Первое, что бросилось ему в глаза, количество камер — буквально каждый сантиметр под наблюдением. Далее он обратил внимание на окна здания — он уже встречал такие: по внешнему виду они ничем не отличались от обычных, но это были особо прочные оконные рамы с тройным стеклопакетом. Простой человек никогда не заметит разницы, но Пантелеев сразу их распознал. Ворота перед «Чайкой» стали открываться, и машина двинулась вперед. Пантелеев сразу же подтвердил свое предположение о воротах: внешняя их часть была такой объемной неспроста, она служила для того, чтобы скрыть вторые ворота — двойные, толстые, металлические, способные остановить даже танк. Волнение Пантелеева сменилось интересом, любопытством и даже в каком-то смысле азартом. Очевидно, что фабрика «Красный Октябрь» оказалась лишь прикрытием для чего-то большего. Полковник по достоинству оценил такое решение — здание с такой богатой историей, с таким приметным внешним видом, к тому же ещё и в самом центре столицы.

— Вот уж действительно, если хочешь что-то спрятать, выстави это на всеобщее обозрение, — заключил Пантелеев.

Между делом он вспомнил, как вчера вечером решил посмотреть концертную программу любимого пианиста своей супруги. Оказывается, он был в турне по Европе, но каким-то чудесным образом оказался в Москве в день их годовщины да ещё и согласился на сольный концерт. Конечно, он примерно представлял, каким образом пианист оказался в Москве, но вот что его

занимало на самом деле, так это зачем ради него и его супруги так сильно хлопотать. Что в нем такого особенного? И снова все мысли вернулись к таинственной встрече, которая погрузила полковника в состояние постоянно нарастающего волнения.

Оказавшись на территории фабрики, Пантелеев принялся смотреть по сторонам. Но любоваться местными красотами долго не пришлось: как только ворота закрылись, дорога начала опускаться, и Пантелеев понял, что они едут куда-то под землю. «Чайка» заехала в подземный тоннель, полковник посмотрел назад и только увидел, как дневной свет на глазах пропадал — дорога снова выравнивалась, оставляя полковника в подземном небытии.

Тоннель был слабо освещен — по обе стороны на расстоянии примерно 10 метров друг от друга висели тусклые фонари. Больше рассмотреть ничего не удавалось — сильная тонировка здорово ограничивала видимость. Когда «Чайка» остановилась, полковник сразу же посмотрел на часы — под землей они ехали 5 минут 17 секунд. Как только они опустились под землю, Пантелеев сразу же посмотрел на часы и засек время дороги. Ещё в молодости он проходил специальное обучение, на котором рассказывали, что делать, если тебя похитили и посадили в машину или любое транспортное средство.

«Скорее всего, вам наденут или мешок на голову, или повязку на глаза, — объяснял тогда какой-то тайный агент, выступавший в качестве эксперта. — В таком случае ваши действия должны быть следующие: как только транспортное средство тронется с места, начните про себя считать, сколько времени вы в пути. Затаите дыхание, не тратьте время и силы впустую: старайтесь обратить внимание на все: разговоры похитителей, звуки на улице, шум в салоне в зависимости от покрытия, по которому едет машина. И обязательно запоминайте повороты, это поможет вам хотя бы примерно понять, в каком направлении вы двигаетесь».

К счастью, Пантелееву эти знания ни разу не пригодились, он, если честно, уже и забыл про них. Но сейчас, оказавшись в каком-то смысле в западне и никак не контролируя ситуацию, он на инстинктивном уровне достал из недр своей памяти давно забытые знания, чтобы применить их в жизни. «Чайка» стала притормаживать, и водитель, взглянув на полковника через зеркало заднего вида, сообщил, что они приехали. Не успел Пантелеев ничего спросить и оглядеться по сторонам, как дверь рядом с ним открылась — от неожиданности он немного вздрогнул.

— Николай Петрович, доброе утро. Прошу следовать за мной, — раздался мужской голос.

Как полковник ни пытался разглядеть мужчину, за которым надо следовать, ничего не выходило из-за очень слабого освещения. Он лишь видел со спины бесформенную фигуру в костюме. Впереди показался небольшой участок, который удалось рассмотреть благодаря двум работающим светильникам. Туда бесформенная фигура и следовала. Подойдя ближе, Пантелеев понял, что перед ним лифт, двери которого были открыты. Мужчина остановился в шаге от освещенного участка.

— Вам сюда, — сказал он. Его по-прежнему было не рассмотреть, отчего он так и остался в голове Пантелеева лишь бесформенной фигурой.

Полковник зашел в лифт, двери сразу же закрылись. Приятный женский голос поприветствовал его, и лифт начал движение.

— Что за!.. — от удивления Пантелеев не смог сдержать это в своей голове и произнес вслух. — Не может быть.

Лифт недолго спускался вниз, затем на секунду замер и начал быстрое движение в сторону.

Глава 4

Лифт был в движении 27 секунд — снова Пантелеев, следуя инстинктам, зачем-то засек время. Когда двери лифта открылись, Пантелеев не сразу из него вышел. Какое-то время он стоял неподвижно, словно по ту сторону его ожидало что-то скверное. Он вспомнил вчерашнюю встречу с Архиповым, прокрутил в голове их разговор, мысленно повторил маршрут, по которому его довели до фабрики, воспроизвел поездку по подземному тоннелю и ещё раз проехался на лифте. Наконец, осознав и приняв тот факт, что он находится где-то под землей и отсюда совершенно точно по своей воле уйти нельзя, полковник сделал решительный шаг вперед. К своему удивлению он оказался на небольшом перроне, а прямо перед ним стоял одновагонный поезд. Пантелеев хотел осмотреться, но не успел он повернуть голову в сторону, как из ниоткуда появился Архипов.

— Николай Петрович, как доехали? — он пожал руку полковника и похлопал его по плечу.

— Здание из красного кирпича в центре Москвы? — с некоторым возмущением спросил Пантелеева, воспроизведя кусочек их диалога на парковке.

— Хотите сказать, что фабрика сделана не из красного кирпича? И расположена не в центре? — с широкой улыбкой ответил Архипов. Он явно был в восторге от своего остроумия.

— Где мы?

— Скоро все узнаете, заходите в поезд и занимайте свободное место.

Пантелеев поймал себя на мысли, что Архипов виртуозно ведет разговоры. Он дает ровно столько информации, сколько считает нужным, а когда собеседник хочет задать какой-то неудобный вопрос, Архипов, предугадывая события, или меняет тему разговора, или выдает какую-то расплывчатую формулировку. Получается, что он одновременно и отвечает на вопросы, и не отвечает, создавая видимость диалога, в котором оба собеседника находятся на равных.

Пока полковник размышлял, Архипов уже отошел в сторону. Пантелеев перед тем, как войти в поезд, все-таки окинул взглядом все, что его окружало — ну не мог военный не осмотреть местность, объяснил он сам себе своё решение. Перрон был освещен плохо, хотя на потолке располагалась россыпь из небольших светильников, но работала едва ли половина из них. По обе стороны от лифта вдоль стены находились две лавочки: на одной из них сидели двое мужчин, которые наблюдали за Пантелеевым. Взгляд их был пронзительным. На секунду полковник почему-то почувствовал себя непутёвым правонарушителем, который в самый разгар преступления решил осмотреться по сторонам, а сотрудники правопорядка, сидящие в засаде, смотрят на него со стороны и никак не могут определиться, что им делать — ещё немного понаблюдать за глупцом или уже схватить его. Ещё двое стояли в другой стороне и внимательно выслушивали инструкции Архипова, который активно им что-то объяснял. Все были одеты во всё чёрное, а тут, под землёй, при таком мерклом освещении ещё казалось, словно они все на одно лицо.

У одновагонного поезда было два входа: в передней и задней частях, однако открыт был только один — задний. Было несложно догадаться, в какую сторону поедет поезд — справа от входа была стена. Войдя внутрь, Пантелеев оказался в просторном салоне, где сидели люди. Он немного опешил, не ожидая увидеть кого-то ещё. Точнее, предполагал, что кого-то и встретит, но явно сразу не столько людей в одном месте. Сидящие внутри стали жадно рассматривать вошедшего, не говоря ни слова. Полковник не растерялся, твердым и уверенным голосом произнес: «Господа, доброе утро». В ответ кто-то одобрительно кивнул, кто-то небрежно ответил: «Доброе, доброе», а кто-то, никак не отреагировав на приветствие, продолжил изучать Пантелеева. Каждый из присутствующих сидел в кресле. Всего было десять кресел, по пять с каждой

стороны, так что присутствующие расположились в шахматном порядке лицом друг к другу и спиной к окнам. Пантелеев заметил, что осталось два свободных места — одно прямо посередине с правой стороны, и одно в самом конце левого ряда. Недолго думая, полковник пошел к дальнему креслу, чтобы по пути внимательно изучить всех сообразившихся на таинственную встречу в субботу утром.

— Интересно, им также неизвестно, что происходит? — промелькнуло у него в голове.

К невероятному удивлению Пантелеева, некоторых из тех, кто был в вагоне, он знал. Первым по правую руку сидел известный футуролог, который прозвал себя Бакидом в честь предсказателя из Древней Греции. Как его звали на самом деле, Пантелеев не знал, впрочем, ученый или пройдоха (полковник не знал, как он относится к нему и футурологии — как к науке или как к очередному обману людей) всегда представлялся просто Бакидом, поэтому его настоящее имя, пожалуй, не так важно. Бакид был частым гостем различных передач на телевидении, выпускал книги и постоянно выступал в качестве эксперта по той или иной проблеме — от экологической до военной. И пока Пантелеев пытался понять, что должно было произойти, чтобы он оказался в одном помещении с футурологом, его взгляд никак не мог сфокусироваться на остальных — они представлялись ему просто безликими силуэтами. Вдруг в середине вагона взгляд Пантелеева зацепился за ещё одно знакомое лицо — это был один из богатейших людей планеты, известный предприниматель Александр Рублев, чья компания ежегодно совершает прорывы в области искусственного интеллекта. Он сидел на третьем по счету кресле с левой стороны.

— Бакид, Рублёв... И я. Чертовщина какая-то, — злился полковник из-за того, что вопросов у него стало ещё больше.

Дойдя до своего места, Пантелеев сел и вдруг понял, что больше никто не проявляет к нему интереса. Только сейчас он заметил — у всех были достаточно взволнованные и растерянные лица.

— Полагаю, что они знают не больше моего. И всё-таки — куда мы едем? Зачем нас всех собрали? Почему именно в субботу? — размышлял про себя Пантелеев.

Оставалось одно свободное место, и Пантелеев быстро сделал очевидный вывод, что ещё один человек должен присоединиться к этой странной компашке. Едва он подумал об этом, как в салон вошел ещё один человек.

— И снова знакомое лицо, — удивился Пантелеев.

На этот раз все девять человек, в том числе и Николай Петрович, пристально смотрели на Антона Силантьева, того самого бизнесмена, кому Пантелеев был так благодарен за свой прекрасный «Москвич-С». Силантьев, немного растерявшись, замер на месте, однако у него из-за спины показался Архипов, который аккуратно подтолкнул последнего участника мистической встречи, предложив ему занять свободное кресло. Пока Силантьев шел к своему месту, явно испытывая неловкость от всеобщего внимания, Архипов коротко произнес:

— Все в сборе. Ехать недолго, вопросов не задавать. По прибытии все узнаете.

Как только он закончил свою речь, поезд двинулся с места, а кресла начали плавно поворачиваться по направлению движения.

Из окна снова был виден темный тоннель с редким и тусклым освещением. Пантелеев посмотрел на свои часы.

— Кажется, ничего другого не остается, — грустно заключил он и принялся считать, сколько же времени они будут в пути.

Глава 5

Полковник посмотрел на часы и отметил, что они едут уже десять минут. За окном по-прежнему был всё тот же унылый, безжизненный пейзаж. Достав свой телефон, Николай Петрович увидел, что связи не было. Тогда полковник, оказавшийся в переднем кресле, осмотрелся, но ничего примечательного не нашел. Единственное, что удалось отметить, — удобство кресла: оно было не слишком мягким, но и не слишком жестким, подлокотники достаточно широки, чтобы комфортно положить на них руки. Изучая кресло руками на ощупь, Пантелеев понял, что материал, которым оно было покрыто, крайне приятен. Вдруг полковник обратил внимание, что на внутренней стороне левого подлокотника имелся небольшой пульт. Сначала он подумал, что доставать этот пульт просто неуместно — вдруг это какой-то очень важный переключатель, которым можно управлять движением поезда или системой кондиционирования.

«Сейчас нажму что-нибудь, и поезд встанет, — подумал Николай Петрович. — Потом объясняй всем, что произошло».

Полковник решил аккуратно посмотреть назад, чтобы увидеть, чем заняты остальные. Из-за того, что кресло было достаточно массивным, повернуться в пол-оборота не получилось, поэтому он перенес вес тела на правую сторону, оперевшись на подлокотник, и окинул взглядом вагон. Первым увидел Архипова, который стоял в самом конце вагона позади всех. Он был один. Кто сидел дальше, Пантелеев не видел. Решив, что изворачиваться в кресле, чтобы изучить остальных, будет неуместно, он сосредоточился на правом ряду.

— Всё равно не самая лучшая позиция для разведки, — грустно заключил полковник.

Первым его взгляд зацепил Силантьев, который поначалу, оказавшись в вагоне, был крайне напряжен, а сейчас преспокойненько дремал. Полковник отметил, как интересно работает нервная система у предпринимателя. Перед Силантьевым сидела женщина средних лет. И хотя Пантелеев проходил мимо неё, сейчас он смотрел на неё как в первый раз. И снова он отметил Архипова, который так мастерски руководил этой поездкой и всем процессом в целом: он не давал никому одуматься и осознать, что происходит.

— Я вышел из машины, оказался в лифте, дальше перрон, вагон, кресло, — повторял он свой маршрут. — Ловко.

Несмотря на все мастерство Архипова, Пантелеев корил себя за невнимательность и за то, что так легко разрешил тому управлять собой. У женщины была красивая копна темных волос, прямые черты лица и карие глаза, которые через ее круглые очки казались неестественно большими. Она была одета в темно-синюю юбку, пиджак и белую блузку. Увидев, что Пантелеев ее изучает, она улыбнулась ему и кивнула, после чего взгляд ее похолодел и застыл на полковнике. Испытав дискомфорт, Пантелеев перешел к следующему объекту своего наблюдения. Это был достаточно молодой мужчина, на вид не больше 35, одетый так, словно он шел на встречу с друзьями — светлые кроссовки, потертые джинсы, футболка и пиджак. Молодой человек положил ногу на ногу и что-то делал в телефоне, не особо придавая значение происходящему.

Сидеть в полуразвернутом положении оказалось не очень удобно, тело затекло. Полковник решил, что от его наблюдений все равно нет прока, ведь он понятия не имеет, куда направляется поезд. Очевидно, что собравшаяся публика была разношерстной, и дать происходящему сколько-нибудь логическое объяснение не получалось.

Он снова удобно устроился в кресле и решил все-таки разобраться с пультом, который не давал ему покоя. Нажал на одну сторону пульта, вторая моментально вышла из пазов, после чего Пантелеев взял его в руки и начал рассматривать.

«Так вот оно что».

Он нажал несколько кнопок — кресло немного откинулось назад, впереди появилась удобная платформа для ног, а по всей спине начался приятный массаж.

— Достойная награда за любознательность, — одобрительно оценил полковник своё любопытство.

Спустя минуту Пантелеев почувствовал, что посторонние мысли ушли и он наконец-то может сосредоточиться.

«Архипов говорил, что встреча в 10 утра. Сейчас 9:45, значит, скоро мы прибудем на место, — начал свой анализ полковник. — Всего в поезде десять человек, не считая Архипова, который, очевидно, выполняет функцию организатора и, видимо, надсмотрщика. Из десяти человек я так или иначе идентифицировал троих: Силантьев, Рублев и Бакид. Первые два — выдающиеся предприниматели. Бакид — футуролог. Остаются двое — молодой человек и женщина. Первый одет весьма по-современному для таинственной встречи, только если ему неизвестно о том, куда мы направляемся. Но, думаю, что все собравшиеся тут в равных условиях. Ну что же, предположим, что это какой-нибудь гений, новатор, талант, чьё стремление улучшить мир стало причиной того, что он тут? Хмм... Допустим, так и есть. А что же женщина? Стоп, как я мог этого не заметить!»

Полковник резко повернулся вправо и ещё раз посмотрел на женщину, на этот раз его интересовала только одна деталь — значок на левой стороне пиджака. В первый раз он не придал значения небольшому металлическому элементу, подумав, что это какое-то украшение. Но теперь все встало на свои места. Полгода назад он принял на работу одного очень перспективного сотрудника, прежним местом работы которого был Научно-исследовательский центр прикладной механики. Когда Пантелеев изучал личное дело юноши, то наткнулся на рекомендательное письмо от руководителя центра Иноземцевой Т. А. Юноша же очень гордился своими достижениями в прикладной механике, поэтому всегда носил точно такой же значок. А однажды Пантелеев разговорился с молодым человеком и тот рассказал ему про своего бывшего руководителя, однозначно описав ее: «Удивительно, как в одном человеке уживаются невероятная красота и такой сильный характер». Полковник посмотрел на даму и пришел к выводу, что её внешний вид точно подходит под такую характеристику. Он ещё раз бросил короткий взгляд в сторону женщины. «Да нет, пожалуй, она даже красивая. А её суровый взгляд как раз свидетельствует о ее характере. Значит, Иноземцева Т. А.». Пантелеев знал только инициалы, потому что в рекомендательном письме было указано именно так.

Полковник вернулся в удобное положение и закрыл глаза. Ему удалось найти четыре неизвестных в своем мыслительном вычислении. А если считать его самого, то уже половина уравнения была решена. Дальше он попытался найти что-то общее между всеми, но каждый раз кто-то один выпадал из общей логики и приходилось возвращаться в исходную точку. Но вдруг ему в голову пришла идея, и он стал быстро её раскручивать, связывая одного за другим в единую цепочку. Он резко открыл глаза.

— Нащупал... Да, точно! — ликовал полковник. — Рублев и Силантьев — предприниматели, но необычные, а инновационные. Их работа заключается в том, чтобы внедрять будущее в наше настоящее. Бакид — футуролог, он неразлучен с любыми проявлениями будущего. Иноземцева — технологический прогресс определяет её работу. И, наконец-то, я — руководитель Центра изучения космоса и разработки космических технологий. Все мы так или иначе работаем на будущее. Вот что нас объединяет!

Но очень быстро радость сменила глубокую озадаченность.

— Но если ход моих мыслей верен, то зачем нас собрали всех вместе? — Полковник погрузился в новые размышления.

В этот момент поезд начал плавно замедлять ход. Кресло полковника перестало массажировать спину, вернулось в прежнее положение, а удобная платформа для ног снова скры-

лась в кресле. Когда поезд окончательно остановился, то все кресла повернулись в исходную позицию — сидящие снова оказались лицом друг к другу.

Пантелеев быстро взглянул на часы: «9:53, время в пути составило 32 минуты, 49 секунд».

— Господа, мы прибыли. Прошу за мной, нас уже ждут, — громко произнес Архипов.

Все стали подниматься со своих мест. Пантелеев посмотрел на Силантьева, у которого была снова испуганно-озадаченная физиономия. Впрочем, остальные также выглядели напряженно, даже молодой человек, который всю дорогу что-то делал в телефоне, нервно хрустел своими пальцами и оглядывался по сторонам. И один лишь Пантелеев выглядел хладнокровнее остальных, всю прокручивая в голове все возможные сценарии событий, ожидающих его за пределами поезда.

Глава 6

Покидать вагон пришлось через его второй выход в самом начале. Архипов моментально, как змея элегантно обходя остальных, скользнул из конца вагона в начало, нажал кнопку на панели сбоку от автоматической двери, она открылась, и он быстро вышел. Пантелеев, сидевший в первом ряду по ходу движения, первым последовал за Архиповым. Оказавшись вне вагона, полковник обомлел, остановившись как вкопанный. От неожиданности следовавший за ним человек врезался в его спину. Пантелеев сильно зажмурился и открыл глаза, но он по-прежнему видел все то, что и секунду назад: перед ним был точно такой же перрон: аналогичное освещение, две лавочки по бокам, на каждой по два человека в черных костюмах, черных рубашках и черных галстуках. На мгновение Пантелеев подумал, что поездка в поезде была каким-то трюком, чтобы запутать собравшихся, и что они по-прежнему находятся под фабрикой.

Однако одно ключевое отличие Пантелеев все-таки заметил — лифт. Этот был иным, он напоминал больше подъемную платформу по типу той, которая бывает на крупных стройках. Архипов, уже стоявший около лифта, дважды похлопал руками, чтобы взбодрить осматривавшегося по сторонам полковника.

— Господа, ускоряемся, нехорошо, если мы заставим себя ждать, — серьезным тоном проговорил Архипов.

Для убедительности он отдельно жестом руки показал Пантелееву, из-за которого образовалась пробка на выходе из вагона, что необходимо поторопиться. Люди в черной форме встали по обе стороны от вагона, попытавшись создать не очень длинный коридор. Полковнику, который уже приближался к лифту, показалось это достаточно забавным.

— Будто у нас есть выбор, куда идти. Или они думают, что кто-то решит сбежать? — усмехнулся он про себя.

Когда все оказались на большой платформе, Архипов закрыл маленькую дверцу, дёрнул увесистый рубильник, и платформа начала подниматься. Шахта была открытой, Пантелеев взглянул наверх и понял, что они находятся на приличной глубине, потому что распознать, что было наверху, не удавалось. Платформа двигалась не очень быстро. Пантелеев хотел осмотреть всех, кто находился рядом с ним, но из-за тусклого освещения отказался от этой идеи. По мере того как они поднимались, полковник чувствовал, как внутри него росло напряжение. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что даже не засекает время, а ведь потом это могло ему помочь прикинуть глубину, на которой они находились. Платформа стала потихоньку замедляться и вскоре остановилась перед двухстворчатými дверями, массивными и увесистыми, от чего открывались они очень медленно. Полковника в этот момент охватило раздражение: фабрика, подземная дорога, поезд — всех их куда-то вели, не предоставив никаких объяснений, держа всё в тайне, словно они беспомощные, слепые котятa, которые не могут справиться ни с чем без посторонней помощи.

Когда же двери наконец открылись, то по глазам ударил яркий свет. Потребовалось какое-то время, чтобы привыкнуть к такому освещению. Пантелеев, первый вошедший на платформу, был дальше всех от выхода, поэтому что-то разглядеть из-за чужих спин не мог. Архипов тут же покинул платформу — снова ловким и резким движением, оточенным до совершенства — повернулся ко всем, взмахнул рукой, и все, словно послушное стадо овец перед пастухом, выстроилась в линейку один за другим. Полковник хоть и осуждал себя за такую покорность, но всё же не стал выбиваться из толпы. Люди начали выходить по одному, но, вопреки ожиданиям Пантелеева, очередь двигалась медленно. Его раздражение только набирало обороты.

Когда перед полковником осталось двое, взгляду стали доступны некоторые детали. За массивными дверьми показалось просторное помещение. По первоначальной оценке, это была гостиная. Каждого, кто покидал платформу, лично приветствовал какой-то мужчина. Настала очередь Пантелеева, и Архипов дал ему знак, кивнув головой. Уже в который раз полковник отметил, как же искусно Архипов управлял происходящим — гениальный дирижер, не допускающий ошибок самостоятельно и не дающий ошибиться остальным. Пантелеев подошел к встречающему мужчине, и тот быстро протянул ему руку.

— Николай Петрович, доброе утро. Спасибо, что приехали, — мужчина положил вторую руку на плечо полковника, словно они были закадычными друзьями, которые так давно не виделись.

Полковник не имел ни малейшего представления, кто перед ним стоял, поэтому в выдержанной манере поздоровался и зачем-то поблагодарил за приглашение, хотя уже догадывался, что ничего хорошего не будет.

— Ещё раз благодарю, Николай Петрович. Учитывая тот факт, что у вас сегодня очень важное мероприятие с супругой, я вынужден извиниться, что мы так бесцеремонно вторглись в вашу жизнь. Но наше дело не терпит отлагательств, — добавил мужчина.

— Мы? Кто мы? Кто вы такие? — крутилось на языке Пантелеева, однако произнести такое он не осмелился.

Тон речи мужчины совмещал в себе и учтивость, и напор, причем с явным преобладанием второго. Не успел Пантелеев что-то ответить, как мужчина, встав в пол оборота, пригласил пройти дальше. Полковник услышал, как за его спиной закрылись двери, разделяющие прекрасное помещение и невзрачную шахту.

Место, в котором все стояли, оказалось не гостиной, а скорее рабочим кабинетом. Правда, в нем всё равно присутствовали элементы гостиной какого-нибудь загородного дома. С правой стороны от входа был красивый кирпичный камин, рядом с ним аккуратно сложены в несколько рядов идеально нарубленные дрова и каминные принадлежности: кочерга, совок, метла, меха. Рядом с камином стояли два больших кресла, между которыми красовался небольшой стеклянный столик. По левую сторону от входа во всю стену простирались полки с книгами. У Пантелеева не было много времени рассматривать коллекцию, однако ему бросилось в глаза, что очень много книг были одинаковых цветов.

— Видимо, полная коллекция, — смекнул полковник.

Впереди раскинулся рабочий стол: обыкновенный, ничем не примечательный, сделанный из какого-то дерева. Пожалуй, единственной отличительной чертой был нестандартный размер, но оно и неудивительно: на нём было так много разных папок, тетрадок, файлов и документов, что если бы он был меньше, то раскладывать это все пришлось бы на полу. Позади стола были три больших окна — одно, то, что посередине, было в пол, два других, по бокам, просто большими, хотя на фоне первого они терялись,

из-за чего визуально казалось, словно они не такие уж и крупные. Пантелееву сразу же бросилось в глаза, что оконные стекла были зеркальными, поэтому рассмотреть, что происходило снаружи, не представлялось возможным. К основному столу были приставлены два стола, оба поменьше, за которыми все уже сидели и ждали Пантелеева. Полковник сразу смекнул, что такое количество людей здесь собирается нечасто — приставленные столы были похожими друг на друга, но все же они были разными. Он подошел и сел на последнее свободное место — крайнее с правой стороны.

Когда все оказались на своих местах, мужчина, встречавший всех около лифта, занял место во главе большого стола и какое-то время внимательно осматривал собравшихся, ничего не говоря. Пока была тишина, Пантелеев старался отметить как можно деталей — глаза его бегали из стороны в сторону, а голова едва заметно поворачивалась, чтобы увеличить угол обзора.

— Что же, — начал мужчина. — Я всех благодарю за то, что вы прибыли на встречу. Думаю, что Петр Иванович — он бросил беглый взгляд на Архипова, стоявшего около входа — наверняка был очень убедителен и не оставил вам выбора, кроме как согласиться на встречу.

Мужчина заулыбался, и гости в ответ выдавили из себя нервные улыбки. Однако это всё равно помогло немного разрядить обстановку.

— Знаю, что не оставил, — продолжил мужчина. — Но причина, по которой мы все здесь собрались, невероятно важна.

После этой фразы он выдержал паузу и встал из-за стола. Пантелеев принялся внимательно его изучать. Выглядел мужчина хорошо, лицо было румяным, идеально выбрит, одет неофициально, но очень красиво — бежевые брюки, голубое поло и темно-синий пиджак. Густые и ухоженные волосы были аккуратно зачесаны, а редкие морщины, встречающиеся на лице, придавали его внешности зрелой привлекательности. Он был в прекрасной физической форме — широкие плечи, подтянутый живот и ровная осанка.

— Думаю, всех вас интересует, кто я такой, и где мы находимся, — продолжил мужчина, оглядывая сидевших перед ним людей, словно вещая с трибуны на многотысячную аудиторию. — Пожалуй, на вашем месте меня бы интересовало тоже самое. Но это совершенно неважно. Оттого, что вы узнаете, кто я, где мы, не поменяется ничего. Это все померкнет на фоне того, зачем вы тут. И это самое главное.

Он снова взял паузу. Прежнее напряжение быстро вернулось и, кажется, стало ещё сильнее, в воздухе буквально ощущалась наэлектризованность. На лице собравшихся были разные эмоции: кто-то испытывал растерянность и непонимание, а кто-то откровенно нервничал и даже злился, потому что таинственность была доведена до абсурда. Пантелеев старался держаться спокойно, подавляя эмоции внутри себя. Мужчина немного подался вперед и оперся руками на стол. Пантелеев мысленно прозвал его докладчиком.

— Будущее нашей планеты находится под угрозой, — резко произнес докладчик. Выражение его лица сразу же переменялось, стало серьезным и сосредоточенным. Пантелееву даже показалось, что от ещё недавнего румянца ничего не осталось: лицо мгновенно сделалось уставшим и измотанным. Для присутствующих эта фраза была подобно раскату грома — настолько громко и страшно, что люди замерли от испуга, не понимая, что им делать дальше.

— Вы здесь, потому что именно вам предстоит спасти человечество, — продолжил докладчик, произнеся эту фразу слишком уж помпезно.

Информацию он выдавал небольшими порциями, делая продолжительные паузы. Последняя фраза по своему эффекту превзошла недавний раскат грома. На этот раз это было похоже на точечное попадание молнии. Все судорожно смотрели то друг на друга, то на докладчика, изумленные глаза и безмолвно открытые рты говорили о том, что молния ударила прямо в цель. Однако Пантелеев в отличие от остальных, сидел спокойно, не проявляя никаких эмоций, он просто продолжал смотреть на докладчика. Подобно человеку, которому удалось увернуться от мощного удара, он, обострив все свои чувства, ожидал следующего удара.

— Будущее. Неутешительное. Как я и думал, — крутилось в его голове.

Глава 7

Докладчик выждал паузу, чтобы все пришли в себя после столь громкого заявления. Он обратил внимание, как Пантелеев выделялся своим спокойствием на фоне остальных. Когда их взгляды встретились, докладчик слегка улыбнулся, отдавая уважение такой выдержанности. В ответ полковник выдавил из себя едва различимую улыбку, слегка раздвинув уголки губ и едва заметно кивнув головой.

— Господа, — нарушил тишину докладчик, не давая нервозности перерасти в панику. — В сторону Земли движется огромное космическое тело, и оно грозит уничтожить все живое на планете.

Теперь уже и Пантелеев, который совсем недавно казался самым спокойным, едва мог контролировать себя. Со второго раза молния поразила и его, не дав ему возможности увернуться. Удар силой в миллион вольт полностью парализовал полковника.

На этот раз докладчик не искал контакта со своей аудиторией. Он опустил глаза вниз и неподвижно стоял, ничего при этом не говоря. Давящая тишина повисла в помещении. Собравшиеся несколько минут пытались осознать только что услышанное заявление. Когда же докладчик услышал тихое перешептывание, он выпрямился. Рублев первым нарушил молчание, задав вопрос, который всех интересовал.

— Что будет с Землей?

— И зачем мы тут? — добавил крупный мужчина с лысой головой и густой рыжей бородой.

Дискуссия оживилась, люди начали подхватывать вопросы, отвечать друг другу и о чем-то активно спорить, но докладчик резко оборвал всех.

— Тишина, — резкий тон заглушил всех остальных. — Не все сразу, проявите терпение, — властно добавил он.

Однако Иноземцева, та самая, в которой уживались невероятная красота и сильный характер, все равно задала свой вопрос.

— За последние двадцать лет в сторону Земли много раз что-то летело. А какие-то тела даже долетали до нас и падали, не доставляя при этом никаких неудобств. Вы уверены, что опасность так велика?

Докладчик встал и медленно начал оглядывать собравшихся, из-за чего тем, за чьей спиной он проходил, приходилось оборачиваться на месте, чтобы видеть его.

— Ну что же, справедливый вопрос, — задумчиво ответил докладчик. Остальные поддакиваяще закивали, демонстрируя солидарность с Иноземцовой. — Много лет назад велась активная работа над секретным проектом по изучению космоса. Основной задачей было собрать как можно больше информации обо всем, что там творится. Мы запустили туда — он показал пальцем наверх — исследовательский зонд на кинетическом двигателе. Только представьте, бесконечная работоспособность, любое движение конвертировалось в заряд. Его скорость была ничтожна мала, но зато он тщательно собирал информацию, и у нас был неиссякаемый объем работы, а он медленно, но верно погружался в пучину космоса.

К этому моменту докладчик закончил первый круг вокруг столов.

— Но чем дальше он отдалялся от Земли, тем больше проблем стало возникать с получением данных, — продолжил он, заходя на второй круг. — Сначала информация начала поступать реже и реже, затем ещё не в полном объеме, а после связь окончательно оборвалась, и зонд был потерян.

Второй круг был завершен быстрее первого, и докладчик показательно уселся на кресло. Собравшиеся по обе стороны заерзали на стульях.

— Активную фазу проекта было принято решение прекратить, сосредоточившись на анализе полученных данных. Шли годы, в нашем распоряжении появилось бесконечно много обработанной информации. И вот настал момент принимать решение — а что же делать дальше? Зонд благополучно пропал с радаров, расшифрованные данные были интересными, но ничего уникального в них не обнаружилось. И тут случилось нечто весьма занимательное — он ударил кулаком по столу, несильно, но этого было достаточно, чтобы все собравшиеся словно по команде подпрыгнули на своих местах. — Зонд вернулся, он дал о себе знать. Совсем недавно. Как это произошло, что там с ним случилось, никто не знает. Сначала он передал свое местонахождение, но после вновь пропал. Прошло две недели, и мы все думали, что это была какая-то ошибка. Возможно, старый сигнал где-то застрял, что-то ему мешало пройти, но потом он все-таки добрался до нас, а мы ошибочно подумали, что это актуальные данные. И вот, когда надежды уже не было, мы получили многочисленные записи с зонда. И это был последний контакт с зондом. Теперь мы знаем, что это конец.

Докладчик немного помедлил, словно сомневаясь, стоит ли говорить то, что он собирался сказать. На его лице была театральная борьба, постановочная нерешительность, и всё же после небольших раздумий он продолжил.

— Записи были странно зашифрованы... Как такое произошло, нам неизвестно. Но с такой кодировкой мы никогда не сталкивались.

И снова он замолчал. На этот раз докладчик откинулся в кресле, явно наслаждаясь взглядами, прикованных к нему. Он чувствовал себя героем фильма, оказавшимся единственным в кадре. И вот, когда его сцена почти достигла апогея, он решил немного выждать, чтобы вкушать своё превосходство и продлить момент предвосхищения предстоящими событиями, продолжая держать всех зрителей в невероятном напряжении. Пантелеева такая манера раздражала. Он чувствовал, как с ним играют, дразнят, распяляют, а полковник был беспомощен, ему оставалось лишь молчаливое, отчаянное повиновение.

— На расшифровку были брошены все силы, мы подключили лучших специалистов. Какое-то время, конечно, потребовалось, — он произнес это с особенной гордостью, подчеркивая важность проделанной работы. Ему явно хотелось, чтобы слушатели прочувствовали момент. — Но мы справились.

Однако дальше тон повествования кардинально поменялся. От захватывающего рассказа, пронизанного героическими подробностями, не осталось и следа.

— То, что мы узнали, изменит нашу жизнь. — Для драматичности докладчик встал и начал ходить вдоль своего стола. Снова он хотел продолжить, но медлил, на его лице разгорелся новый раунд борьбы, где одна сторона предостерегала его от дальнейшего рассказа, а другая, наоборот, всячески подталкивала поделиться деталями. Он решительно махнул рукой в сторону. — То, что я вам покажу, носит характер исключительной важности.

Свет приглушился, и посередине комнаты возникла проекция. Все послушно повернули головы в сторону. Изображение оказалось завораживающим. Космос был бесконечен, бескрайняя темнота оказывала на Пантелеева странное, успокаивающее чувство. В разных местах мерцали звезды: одни совсем тускло, где-то в бесконечной дали, другие сильно-сильно, словно были совсем рядом, достаточно было протянуть руку, чтобы дотянуться до них. Множество летающих объектов разной формы и разного размера беспорядочно двигались навстречу друг другу, со стороны это напоминало трафик в каком-нибудь мегаполисе в час пик. Где-то в дали было заволакивающее свечение, цвета которого постоянно менялись. Свечение имело странную, расплывчатую форму. Враз изображение на проекции кардинально изменилось. Где-то вдалеке появилась большая, жирная точка, которая с большой скоростью увеличивалась в размерах. У Пантелеева перехватило дыхание, он хотел остановить происходящее, выключить проекцию, спешно покинуть это место, но продолжал смотреть, не в силах даже пошевелиться, словно он прикован цепями. Непонятная точка быстро обретала форму и цвет, демонстрируя

свои истинные размеры. Что это было, полковник не знал. Безжизненный, космический великан мчался с невероятной скоростью, снося на своем пути мелких обывателей, мешающих его движению. Он не был какой-то определенной формы. Спереди округлый, вся его поверхность покрыта множественными углублениями, похожими на кратеры. По мере его приближения стало заметно, насколько он неровный, корявый, уродский, так что даже невозможно определить даже его истинные размеры. Где-то в глубине этого великана мерцало желтоватое свечение, оно было то ярким, то блеклым, напоминало ритмичную работу сердца космического монстра. Снимавший всё происходящее зонд находился немного сбоку, поэтому, когда великан был совсем рядом, то позади стало видно длинный шлейф голубого оттенка. Более разглядеть ничего не удалось, исполин, соприкоснувшись с зондом, размазал его в космической бесконечности, и изображение исчезло.

Лица присутствующих побелели. Пантелеев крутил увиденное в голове снова и снова, и каждый раз, когда он вспоминал столкновение с зондом, внутри у него тряслись поджилки.

— Зная местоположение зонда, вычислив примерные размеры и скорость, а также смоделировав траекторию полета... — докладчик глубоко вздохнул, — мы заключили: оно, — он сделал акцент на этом слове с максимальной брезгливостью, — движется на Землю.

Докладчик уселся в свое кресло и замолчал. Его лицо покраснело, по вискам стекали капли пота, а сам он прерывисто дышал. Казалось, страх и ужас наполнили помещение, но Иноземцева, не желая поддаваться всеобщему настроению, снова задала вопрос.

— Почему вы так уверены, что эта громадина долетит до Земли?

Докладчик посмотрел на Иноземцеву недовольным взглядом.

— Оно настолько велико, что долетит до нашей планеты, смяв все на своем пути, даже не заметив другие тела. А при такой скорости полета шансы, что траектория движения поменяется, ничтожны малы. Увы, все указывает на то, что оно неизбежно столкнется с Землей, если не будут предприняты решительные меры.

— Какие меры? — нетерпеливо выкрикнул крупный мужчина с объемной растительностью на лице.

— Арсений Платонович, — осадил выступавшего докладчик. — Я бы вас попросил...

Мужчина извинился себе под нос и опустил голову, словно он был школьником, которого хорошенько отчитала учительница.

— Когда стало понятно, что нам не удастся избежать встречи с космическим гостем, то лучшие умы человечества стали думать над тем, как спасти Землю. Была создана международная рабочая группа, разрабатывающая план по спасению Земли. В итоге все сошлись на том, что единственный вариант — уничтожить это.

Пантелеев негромко покашлял и как в школе поднял руку. Докладчик, увидев это, утвердительно кивнул полковнику.

— Центр, который я возглавляю, регулярно получает различные снимки и отчеты из космоса. Я лично каждую неделю читаю о проделанной работе разных отделов, но нигде не было даже намёка на то, что нам что-то угрожает.

— Николай Петрович, вы даже не можете себе представить, как далеко забрался зонд... И потом, эта информация — строжайшая тайна. Даже не все страны пока в курсе об этом. Если об этом узнает все человечество, то начнется паника. А все мы прекрасно знаем, что идет после паники. Весь мир погрузится в хаос, и тогда нам вряд ли удастся что-то сделать. Пантелеев, нахмутив брови, стал обдумывать слова докладчика. «Конечно, нельзя предавать огласке такое. Если бы какой-нибудь рядовой сотрудник об этом узнал, то он мог бы поделиться с кем-то. А там дальше эта новость облетела бы весь мир за неделю. Да уж, мог бы и сам догадаться», — полностью согласился с доводами докладчика.

Напротив Пантелеева сидела ещё одна женщина. У нее были недлинные светлые волосы и невероятно красивые голубые глаза. Цвет был настолько насыщенным, что все остальное лицо

буквально меркло. Она была одета в черное строгое платье, а на плечи был накинут велюровый пиджак.

— Какое оружие может уничтожить такое? Да так, чтобы его осколки не разнеслись на сотни километров, разнесся нашу планету в щепки?

— Как раз об этом я и хотел рассказать, Анна Павловна, — любезно ответил докладчик. Действительно, дело в том, что сейчас не существует такого оружия, которое могло бы уничтожить эту угрозу на безопасном от Земли расстоянии. Но найдено решение. Во всяком случае, мы надеемся, что это поможет.

Все присутствующие словно в унисон сделали большой выдох. На их лицах немного спало напряжение, в глазах появилась радостная надежда.

— Мы планируем разрушить его изнутри. Когда он будет на подлёте к Земле, тогда по нему и будет нанесен удар.

Докладчик на секунду задумался.

— А стрелять мы будем из лазерного дезинтегратора, — добавил он.

Реакция присутствующих разделилась. Та часть, чья работа была связана с технологиями и вооружением, знали, что лазерные пушки уже существуют, их успешно применяют в некоторых отраслях жизни, но для такой задачи они вряд ли подойдут. Другая часть, чья профессиональная деятельность никак не связана с технологической или военной отраслью, была крайне удивлена, ведь лазерные пушки больше ассоциировались с какими-то фантазийными фильмами, чем с реальным спасением Земли.

Пантелеев отметил, как сильно отличается манера ведения беседы у докладчика и Архипова. Архипов, словно ледокол, идет вперед, не обращая внимание ни на что, у него лишь одна задача — проламывать огромные слои льда. Докладчик же, наоборот, крайне аккуратен, он постоянно дает своим собеседникам время на то, чтобы обдумать информацию и прийти в себя после услышанного. Но полковник знал, что такая манера на самом деле крайне продумана — докладчик подобно хищнику медленно и уверенно крадется к своей цели, иногда усыпляя ее бдительность, чтобы в нужный момент совершить решающий рывок и добиться задуманного.

— Я попробую объяснить, как мы добьемся нужного результата. Человечеству придется создать лазерный дезинтегратор. Его задачей будет разогреть луч до такой температуры, что, оказавшись в космосе, он сотрет с лица земли любую угрозу. Наш план состоит в том, что луч пронзит космический объект и начнет расплзаться, расплавив все его внутренности. Оставшиеся остатки будут такими незначительными, что сторят в атмосфере, бесследно исчезнув.

— Зачем же все так усложнять? Почему нельзя использовать какую-нибудь ракету? — не успокаивалась Иноземцева.

— У данного уравнения нет лёгкого решения.

— А этот монстр не разрушится в атмосфере? Ведь температура и так будет невероятно высокой, — с некоторой осторожностью спросил Бакид. — Будущее нам подвластно, — добавил он, как показалось полковнику, совершенно не к месту.

— Он настолько огромный... Мы полагаем, что даже если какая-то часть и будет разрушена под воздействием температуры, то незначительная. Мы не можем так рисковать и полагаться на удачу.

Пантелеев решил кое-что уточнить. Последовав примеру остальных, он не стал спрашивать разрешения на вопрос.

— Сколько у нас есть времени?

— Мы исходим из того, что у нас в распоряжении от семи до девяти лет.

Собравшиеся гости снова начали что-то оживленно обсуждать между собой.

— А теперь, господа, пора перейти к самому главному: зачем же я вас здесь собрал.

Глава 8

Волна нервозности опять окатила всех. После шокирующих новостей никто и не думал, что может быть что-то ещё. Гробовая тишина окутала помещение, а докладчик в свойственной себе манере взял небольшую паузу. Пантелеев, воспользовавшись небольшой передышкой, начал рассуждать про себя. Было очевидно, что о столкновении космического объекта с Землей им сообщили не просто так. Планы о том, как именно собираются предотвратить катастрофу, тоже приоткрыли неспроста. Полковника не покидало чувство, что было что-то ещё, нечто более важное, что-то, от чего будет зависеть существование людей на планете.

Однако мыслительный процесс Пантелеева был прерван.

— Видите ли, у нашего плана есть свои... — докладчик драматично откашлялся и взял небольшую паузу, как бы подбирая нужные слова. — Назовем это недочеты. Помимо сложностей, которые невозможно предсказать и предвидеть, есть те, которые абсолютно точно будут, и мы не знаем, как их избежать. Дело в том, что если все пройдет так, как мы планируем, и выстрел доберется до цели, то будет нанесен непоправимый ущерб по природе.

В этот момент докладчик снова начал движение по кругу, правда, на этот раз в обратную сторону.

— Озоновый слон Земли будет разрушен. Помимо этого, лазерный заряд приведет к эффекту взрыва водородной бомбы. Рабочая группа ещё просчитывает последствия, но уже сейчас очевидно, что ничего хорошего не будет. Скорее всего, дальнейшая жизнь на поверхности Земли станет невозможной. Не знаю, навсегда или лишь на какое-то время, но нам нужно быть готовым к самому худшему сценарию.

— И что же делать? — нетерпеливо задал вопрос обладатель рыжей бороды Арсений Платонович.

— Надо думать наперед.

Было видно, что прежнее спокойствие докладчика испарилось. Если в самом начале он выглядел непоколебимым как скала, то сейчас его лицо покраснело, ладони стали потеть, из-за чего он начал их регулярно потирать, а глаза нервно бегали от гостя к гостю. В этот момент Пантелеев осознал, что речь шла не просто про какую-то незначительную проблему или теоретическую катастрофу, на кону стояло существование человеческой цивилизации. Сразу же в голове всплыли динозавры, ведь по одной из версии именно падение большого метеорита уничтожило древних обитателей Земли. Возможно, через миллион лет кто-то откопает человеческие кости и будет восстанавливать историю по найденным фрагментам. Почему-то только сейчас Пантелеев явственно осознал масштаб угрозы.

Тем временем докладчик откуда-то достал небольшой предмет конусной формы, положил его на середину стола. Он провел рукой над предметом, и над его столом появилось трехмерное изображение.

— Перед вами проект подземного города. Как видите, он находится на достаточной глубине, чтобы возможные последствия на поверхности Земли никак не затронули жизнь под ней. Это лишь проект, созданный с большим количеством допущений, однако всесторонний анализ позволяет нам заключить, что такое вполне можно реализовать по-настоящему. И именно вам предстоит это сделать.

В очередной раз за двумя столами, приставленным к столу докладчика, послышались охи, вздохи и различного рода перешептывания. Он провел рукой над конусом, изображение исчезло.

— Вы были приглашены сюда неслучайно. Среди вас великолепные управленцы, талантливые предприниматели, выдающиеся личности современности. Каждый из вас невероятно хорош в своем деле. Уверен, что кто-то узнал тех, кто здесь присутствует. Кто-то о ком-то

слышал, а кто-то даже знаком лично. Но сейчас намного важнее не то, чем вы прославились, а то, что вам предстоит сделать. Каждый из вас возглавит строительство, а потом и руководство подземным городом.

Все пребывали в полном замешательстве.

— Как я уже сказал, есть вероятность, что жизнь на поверхности Земли будет невозможна. Единственное спасение — уйти под землю, — докладчик продолжил: — Пришло время перейти от теории к практике. В нашем распоряжении есть десять локаций, в которых необходимо будет не просто построить город, но и выстроить полноценную жизнь. Каждое место по-своему уникально: в одном, например, никогда не будет проблем с питьевой водой. В другом всегда будет в избытке энергия. Конечно, вам будет оказана всевозможная помощь: вы не будете ограничены ни в чем, в вашем распоряжении будут любые ресурсы. Наша задача обеспечить будущее нашей планеты.

Пантелеев обратил внимание, что лицо докладчика снова стало уверенным, речь поставленной, а от недавней нервозности не осталось и следа.

— Перейдем к делу, — сказал он и сделал пригласительный жест рукой.

Все обернулись и увидели Архипова, который стоял около стола, бесшумно подойдя к нему. В руках у него была небольшая шкатулка черного цвета и без каких-либо опознавательных знаков. Он положил ее на край стола, и Пантелеев, который сидел с края, наблюдал за всем из первого ряда. Архипов открыл шкатулку, в ней было десять каких-то небольших предметов, два ряда из пяти штук. Каждый предмет был утоплен в углубление. Архипов начал по одному доставать предметы и вручать каждому из присутствующих. Пантелеев получил свой первым. Это был небольшой, плоский прямоугольный предмет, с одной стороны покрытый матовым покрытием. Полковник не имел ни малейшего представления, что это было. Когда последний предмет был вручен, Архипов подошел к шкатулке, закрыл ее, учтиво поклонился и скрылся также быстро и бесшумно.

— Пришло время определить, кому какое место достанется, — бодро произнес докладчик. Лицо его выглядело так, будто он объявил старт лотереи, где каждому гарантирован приз, а это значит, что все участники должны пребывать в ожидании занимательного розыгрыша.

— Перед вами «ключи». Приложите большой палец любой руки к матовой панели.

Пантелеев взял предмет двумя пальцами левой руки, поднял его на уровень глаз и навису приложил большой палец правой руки. Кто-то поступил точно таким же образом, некоторые положили предмет перед собой на столе, другие выполнили необходимую операцию, держа все в той же руке, на которой был нужный палец.

Почти одновременно раздались десять негромких звуковых сигналов, и оказалось, что матовое покрытие — это небольшой экран.

— Каждая локация, где должен быть город, пронумерована от 1 до 10. Сейчас случайным образом каждому из вас будет определено то или иное место для будущего города.

Пантелеев пристально смотрел на экран. Со стороны могло показаться, что собравшиеся — маленькие дети, которым подарили новые игрушки. Каждый буквально вцепился взглядом в ожидании своего номера. Вдруг одновременно раздались десять новых сигналов. По звуку они ничем не отличались от первых десяти.

«X-7» — красным шрифтом было написано на экране у Пантелеева. Как реагировать на это, полковник не знал, поэтому и дальше смотрел на цифру, боясь пропустить что-то важное.

— Господа, больше вы там ничего не увидите. Сейчас на карту памяти каждого ключа удаленно будут загружены координаты вашего города и подробная инструкция, что необходимо делать дальше. В понедельник ровно в 9 утра эта информация станет доступной. Просто приложите снова свой палец.

Пантелеев сидел и пытался осознать все, что с ним сегодня произошло: Красный Октябрь, подземный поезд, докладчик, космический объект, какой-то город. Правда, все нахо-

дились в одинаковом состоянии — молчали и пытались переварить все, что узнали. Докладчик же с любопытством наблюдал за происходящим — как триумфатор, окидывая взглядом побежденных.

У Пантелеева в голове было много вопросов, однако собраться с мыслями и что-то спросить он был не в состоянии. Краем глаза он заметил, что у сидящего рядом Бакида на экране высветилось «X-5».

Докладчик как ни в чем не бывало продолжил.

— Думаю, что говорить о высшем уровне секретности этого проекта не стоит. Ни при каких обстоятельствах никто не должен знать об истинных причинах строительства подземного города. Вы можете говорить что угодно: социальный эксперимент, уникальное шоу, исследовательская деятельность. Решайте самостоятельно. Локация вашего города также должна находиться в строжайшей тайне. Никто посторонний не должен знать, где именно будет проходить строительство. Самое же главное — с сегодняшнего дня вы становитесь совершенно чужими друг другу людьми. Формально большинство из вас и так незнакомы друг с другом, но отныне так будет и дальше. Вам запрещено обмениваться новостями о городе и делиться любой информацией.

Наконец-то Иноземцева нарушала тишину среди гостей.

— В этом нет никакого смысла! Наоборот, нам надо обмениваться мыслями, делиться успехами и предостерегать друг друга от неудач. Это же позволит ускорить процесс!

— Если бы меня интересовала коллективная деятельность, я бы всех вас назначил на один город. И вы бы вместе решали вопрос. Но нет. Каждый должен построить уникальный город, самостоятельно преодолеть все сложности и наладить жизнь.

— Но почему?

— Город, который будет функционировать лучше всего, станет прототипом для других городов, в которых будет жить наша страна. Мы учтем ошибки и сможем спасти всех.

— Но ведь жизнь под землей... Это ведь всего лишь подстраховка? Лазерный дезинтегратор сделает всё дело, а все последствия... Озоновый слой обязательно восстановится через какого-то время, а у природы есть удивительное свойство воскресать! Вы же все просчитали и продумали, план обязательно сработает. А до столкновения время есть, в процессе производства обязательно найдутся способы, как минимизировать урон!

— Мы не можем позволить себе ничего не делать.

— Вы верите в то, что план сработает? — осведомился Бакид. — Мы сами пишем наше будущее.

— Мне хочется в него верить. Но я — практик, а не теоретик.

Все последующие вопросы были оборваны Архиповым, который снова появился из ниоткуда. Жестом он показал, что встреча окончена. Люди, совершенно растерянные и потрясенные новостями, начали медленно и неуклюже вставать с мест. Архипов быстро всех сорганизовал и повёл обратно к лифту.

Докладчик уселся в своем кресле, откинувшись на нём и положив ногу на ногу, и с нескрываемым удовольствием провожал всех взглядом.

Глава 9

Обратный путь на фабрику проходил по тому же маршруту. Из комнаты, где была встреча, все проследовали в лифт, дальше сели в тот же поезд. Когда Пантелеев оказался в кресле, то сразу же включил режима массажа и откинул спинку, после чего моментально погрузился в размышления, полностью отключившись от реальности. И хотя его тело по-прежнему находилось в поезде, мысленно он был где-то далеко, возможно, даже за пределами Земли. Именно тут, в полной тишине бесконечности, в бесплотном состоянии, Пантелеев пытался осмыслить случившиеся.

Полковник одновременно испытывал разные эмоции, которые постоянно обновлялись и дополняли друг друга. Он попытался хоть как-то упорядочить то, что творилось в его голове.

«Что-то огромное летит на Землю и может уничтожить жизнь на ней — новость не самая хорошая. Но, с другой стороны, человечество знает об этой угрозе заранее, значит, у нас есть время подготовиться. Все-таки семь или девять лет — это достаточно большой срок. Но удастся ли построить дезинтегратор? Будут ли они достаточно мощными, чтобы разрушить метеорит? А если нет? — размышлял полковник, находясь в невесомости. — Что будет с нашими жизнями, что будет с Олей?»

Внезапно Пантелеев ощутил жуткую беспомощность, поняв, что никак не может повлиять на ход событий. Но сразу же сумел приободрить себя.

— А вот «X-7» — вот на этом, кажется, действительно стоит сосредоточиться, — полковник искал хоть что-то положительное в этой пучине ужаса.

Упорядочение мыслей явно положительно сказалось на состоянии полковника. Внезапно он понял, что идея подземного города не так уж плоха, более того, именно сейчас он почувствовал, что такое решение совсем уж не чуждо ему, и он переместился в свое детство. Будучи маленьким мальчиком, Николай Петрович, а тогда ещё просто розовощекий и жизнерадостный Коля, любил оказаться в нестандартных условиях. Потому и частенько ходил с отцом в походы: палатка, спальный мешок, минимальный набор посуды и продуктов — вот то, что было в их распоряжении. Установка палатки, добыча дров и хвороста, разжигание огня и прочие атрибуты жизни на улице требовали немало усилий и изобретательности, и это всегда привлекало любознательного мальчишку. Пантелеев сразу вспомнил случай, когда они с отцом самостоятельно собирались в поход — мама тогда была в какой-то командировке — и забыли взять с собой посуду и котелок для приготовления еды. Приехав на место и обнаружив это, отец и сын не растерялись — они нашли на опушке леса старый пенёк, проделали в нем два отверстия, одно сбоку, второе посередине, благо минимальный набор походных инструментов они не забыли. Когда два отверстия соединились друг с другом, они перешли к следующему шагу. Затолкав в дырку сбоку сухих листьев и немного бумаги, они это подожгли, и благодаря тяге воздуха любители дикой природы быстро получили огонь. Рядом с отверстием посередине они проделали ещё несколько маленьких дырочек, вставили туда небольшие, но крепкие палки, а на них положили найденный камень. Огонь быстро разогрел камень до нужной температуры, и отец и сын смогли приготовить еду, используя такой нестандартный подход. Пантелеев отчетливо помнил момент, когда они с отцом обнаружили, что часть необходимых для похода вещей оставлены дома, но при этом они ни на секунду не растерялись. Наоборот, это было одновременно вызовом и приключением. «Так почему сейчас я должен чего-то бояться?» — подумал про себя Пантелеев, ощущая прилив уверенности. Полковник понял, что на протяжении всей своей жизни он регулярно оказывался в нестандартных ситуациях и всегда успешно находил из них выход. В его голове начали один за другим всплывать разные примеры из жизни, когда он начинал что-то делать, будучи в проигрышном положении, но всегда заканчивал дело, победоносно рассекая на коне. «А если могу я, то смогут и другие. Будут дезинтеграторы. Не полу-

чится такой вариант, значит, будет другое решение. Обязательно будет», — Пантелеев с каждой секундой обретал временно утраченную уверенность в себе и своих силах.

И вот, когда Пантелеев смог полностью стабилизировать свое внутреннее состояние, к нему вернулось, а вернее сказать, проснулось, его стратегическое мышление — самое сильное оружие в арсенале полковника. Неожиданно для него самого из недр сознания вылезла одна из заповедей самурайской жизни: «Не позволяй другим превзойти себя на пути самурая». Эту фразу и многие другие Пантелеев узнал, когда познакомился с японской культурой. Десять лет назад полковник, а тогда ещё майор, работал в Министерстве обороны, официально его должность звучала очень пресно — «Руководитель отдела международных коммуникаций». Но на самом деле его работа была насыщенной и крайне важной — если где-то была проблема, требующая моментального решения, если возникал вопрос, не требующий отлагательств, или в какой-то точки планеты ситуация выходила из-под контроля, туда всегда отправляли одного человека. Никто не понимал, как он ловко находил путь к решению проблемы любой сложности, казалось, что нет на свете задачи, с которой он бы не справился. За это Пантелеев по праву снискал славу человека, для которого нет невыполнимых задач.

Однажды, прибыв с рабочим визитом в Японию, у него была запланирована встреча с одним японским чиновником по имени Акарумэй Кояма. Он был родом из древней японской семьи, которая уходит корнями в

12-ый век. В его роду было немало выдающихся людей — предпринимателей, чиновников, врачей и, конечно, самураев. Кояма гордился своим происхождением, восхвалял своих родителей и красочно рассказывал, как его предки сражались с монголами во время нападения Монголии на Японию в далеком 13-ом веке. И хотя самураев в современной Японии уже давно нет, Кояма почитает различные традиции и обычаи, которые передавались в его семье от поколения к поколению. Пантелеев провел в Японии целый месяц, и с первой же встречи они с Коямой не просто нашли общий язык, у каждого возникло ощущение, будто они давние друзья, а, возможно, даже родственные души. Все рабочие вопросы были улажены за несколько часов, остальное время они сутками напролет разговаривали. Пантелеев с огромным интересом познавал тонкости японской культуры и особенности самурайских традиций. В один из дней Кояма пригласил Пантелеева в свою загородную резиденцию, которая находилась недалеко от Токио. Когда они туда приехали, то оказалось, что там находится настоящий семейный музей — портреты предков, памятные вещи и значимые семейные ценности находились внутри огромного дома, построенного в классическом японском стиле 17-го века. Среди прочего, в одной из многочисленных комнат была настоящая большая экспозиция, посвященная самураям: разное оружие, одежда, военные доспехи, манускрипты и личные вещи. Самое большое впечатление на Пантелеева произвел один из мечей — настоящая японская катана, одинаково красивая и смертельно опасная. Она, в отличие от остальных предметов, находилась по середине комнаты и лежала в стеклянной витрине. Полковник сразу обратил внимание на что-то красное на лезвие, но не успел он задать вопрос, как Кояма дал пояснения.

— Этот меч принадлежал выдающемуся человеку в нашей семье, который состоял на службе у одного знатного сюзерена. Однажды господин ехал на тайную встречу в одной из отдаленных деревень со своей возлюбленной. Чтобы не привлекать много внимания, он взял с собой только доблестного самурая Дайсукэ Кояма. И вот, когда уже деревня показалась из-за холма, на них было совершено нападение. Девять наёмников должны были убить одного человека, но на их пути оказался настоящий самурай. Дайсукэ незамедлительно вступил в бой и сразу же поразил четверых врагов, ведь никто не владел катаной также искусно, как он. Не теряя ни секунды времени, Дайсукэ, выбив одного из нападавших из седла, усадил своего господина на коня и сумел спасти его, оставшись один против пятерых. Великий Дайсукэ Кояма продолжил бой и поверг ещё троих, однако силы были неравны, и он получил смертельные раны.

Пантелеев слушал эту историю с замиранием сердца. Его поражало не столько история, сколько та огненная страсть, невероятная гордость и бесконечное уважение, с которыми ее рассказывал Акарумэй.

— Даже у наёмников есть честь. В знак уважения к своему поверженному врагу они разрешили Дайсукэ совершить сэппуку.

В этот момент Пантелеев нахмурил брови. Кояма сразу понял, в чем причина.

— Людям за пределами Японии это больше известно как харакири.

Полковник одобрительно кивнул головой, поблагодарив собеседника за важное уточнение.

— Дайсукэ Кояма закончил свой жизненный путь как великий самурай. Перед смертью он даже успел сочинить небольшую хокку:

Пришла смерть за мной.

Вдыхаю свежий воздух.

Долгий путь пройден.

Полковник, слушая невероятную историю, параллельно внимательно изучал катану. Когда Кояма воспроизводил последние слова стихотворения, то Пантелеев услышал дрожь в голове собеседника. Он повернул голову и увидел, как у его японского друга текли слезы. Пантелеев за свою жизнь встречался с разными людьми из разных стран, но никогда прежде он не встречал такую искреннюю преданность семье и её ценностям. Акарумэй смотрел на катану, и Пантелеев решил в качестве поддержки также направить свой взгляд на оружие. Через минуту Акарумэй пришел в себя и продолжил рассказ, как ни в чем не бывало.

— На следующий день господин Такахаси нашёл тело Дайсукэ Коямы и аккуратно сложенный листок с его предсмертной хокку, — продолжил Акарумэй. — Дайсукэ был похоронен со всеми почестями, а его личные вещи переданы его семье. — Катана сохранена в том виде, в каком она была во время смерти своего хозяина. На ней сохранилась кровь врагов и самого великого Дайсукэ Кояма.

Позже, во время обеда, Пантелеев попросил Кояма рассказать чуть больше про самураев, про правила их жизни и основные заповеди. Акарумэй погрузился в долгий и детальный рассказ, лишь изредка прерываясь для того, чтобы положить кусок еды в рот и поскорее его прожевать. Среди всего рассказанного была и фраза «Не позволяй другим превзойти себя на пути самурая». И хотя полковник проникся уважением ко многим правилам и заповедям, именно это изречение почему-то сразу же отложилось глубоко в душе.

Поездка в Японии наложила серьезный отпечаток на мировоззрение Пантелеева, сделав его большим почитателем японской культуры и, в частности, самураев. Теперь где-то в глубине души Пантелеев мечтал встретить старость вместе со своей семьёй где-нибудь в японской деревушке, подальше от крупных городов. Он представлял, как окунется в местную культуру, научиться обращаться с катаной и, конечно, будет жить в традиционном японском доме.

Пантелеев почувствовал, как что-то нарушает его покой, какой-то шум, доносящийся издалека, но с каждой секундой он становился громче и громче. А через несколько мгновений полковник стал различать в этом шуме что-то знакомое. Шум становился отчетливым, и Пантелеев чувствовал, как стремительно покидает бесконечность и возвращается в поезд.

— Николай Петрович, с вами все нормально?

Пантелеев открыл глаза и увидел стоящего перед собой Архипова.

— Все остальные вышли и ждут снаружи. Я заметил, что вы никак не реагировали на меня.

— Задремал, — коротко ответил полковник.

Он встал и направился к выходу. Выйдя из поезда, он увидел, что все остальные стояли и ждали, пока он выйдет. Архипов покинул вагон и пригласил всех пройти в лифт. У Пантелеева в голове мгновенно созрел план, и он стремительно начал воплощать его в жизнь. Будучи последним в толпе, он резко ускорил свой шаг и врезался в чью-то спину. Марионеткой в плане полковника оказался Рублев. От неожиданного удара Рублев вскрикнул, а Пантелеев, не сбавляя хода, начал громко извиняться. План сработал идеально: абсолютно все присутствующие на перроне, включая людей в черных костюмах, обернулись из-за шума, чтобы узнать, что случилось. А когда стало понятно, что ничего интересного не произошло, все продолжили движение к лифту, но Пантелеев уже был в лифте. И теперь каждый входящий в лифт встречался с сфокусированным взглядом полковника. И когда Бакид последним заходил в лифт, Пантелеев уже отложил фотографии каждого в своей головной картотеке.

Парковка на удивление оказалась крайне просторной. Когда его сюда только привезли, то он ничего толком не успел разглядеть. Сейчас же он наблюдал десять автомобилей. Не сразу полковник понял, что там стояли десять «Чаек», десять красавиц, чей блеск был замечен даже при тусклом свете.

Архипов дал напутственный инструктаж.

— Садитесь в те же машины. Вас довезут туда, куда вы скажите. До встречи.

Полковник подошел к машине и сел на заднее сиденье. Только сейчас он понял, что понятия не имеет, сколько времени. Он быстро поднял левую руку и удивился: на часах было 13:49. Он вспомнил, что в 14:00 они должны встретиться с супругой в ресторане.

— Мне надо в ресторан «Маленькая Италия». В 14:00 часов там будет моя жена, — спешно пояснил полковник.

— Не переживайте, Николай Петрович, будем там вовремя, — последовал спокойный ответ водителя.

Не успел тот закончить предложение, как они тронулись с места и первыми заехали в подземный тоннель, элегантно обойдя другую «Чайку», намеревавшуюся проехать быстрее всех. Когда автомобиль покидал территорию «Красного Октября», Пантелеев уже думал только о предстоящей встрече с любимой женой. Да и желудок начал подавать знаки, что пора обедать.

До ресторана доехали действительно очень быстро, ровно в 14:00 машина стояла напротив входа. Пантелеев закрыл глаза и сделал три глубоких вдоха. Он поблагодарил водителя и открыл дверь. Когда одна нога уже была на земле, он услышал вопрос водителя.

— Николай Петрович, а цветы?

Тут Пантелеев понял, что цветов у него нет. По эффекту неожиданности эта новость легко могла сравниться с той, что он узнал несколькими часами ранее. Он беспомощно повернулся к водителю.

— Где тут можно купи...

Но вопрос был излишним, в протянутой руке водителя был роскошный букет розовых пионов — любых цветов жены Пантелеева.

Полковник широко улыбнулся и с большой благодарностью взял букет.

— Николай Петрович, я сегодня с вами до вечера. Буду ждать вас на этом же месте.

Пантелеев одобритительно кивнул и вышел из машины. Панорамные стекла итальянского ресторана быстро позволили наблюдательному полковнику увидеть жену, которая уже ждала его за столиком. Она была в темно-сером платье, любимом платье Пантелеева. Оно идеально подчеркивало подтянутую фигуру и органично сочеталось с серо-зелеными глазами. Аккуратно уложенные волосы, превратившиеся в изящную прическу, говорили о том, что Ольга основательно подошла к празднику и выглядела идеально. Пантелеев, разглядев жену, расплылся в улыбке и почувствовал спокойствие и умиротворение. Ему хотелось поскорее окунуться в волшебную атмосферу оставшегося дня.

Глава 10

Мужчина, чей нос был с горбинкой, с недавних пор стал бывать на этом этаже довольно часто, но больше ему это не доставляло никакой радости. Он нервно почесал свою недавно побритую голову. Волосы ещё не успели отрасти, а потому были колючими, и его ладоням стало щекотно. Жить с залысиной на голове ему совсем не хотелось, поэтому приходилось привыкать к новому имиджу. Совершив несколько поворотов, подъемов и спусков, он вышел в коридор с мраморным полом. И хотя ему было известно, что его ожидают, торопиться совсем не хотелось. Он старался отсрочить встречу, поэтому решил перешнуровать правый ботинок, на котором узел немного разболтался. Уже перед большой дверью он заметил, что с правой стороны повесили новую картину. На ней было нарисовано озеро, с левой стороны возвышался тростник, с правой одиноко стояла лодка, с бортов которой свисали весла. В утреннем небе восходило ярко-оранжевое солнце, которое отражалось в безмятежной глади озера. Пейзаж был прост, но в то же время прекрасен. Он постучал один раз в дверь и, не успев совершить второй стук, ему было приказано входить. В кабинете стоял тяжелый запах, и был спертый воздух. Монотонный гул говорил о том, что в кабинете во всю работает система очистки воздуха, однако едва ли она справлялась с табачным смогом. В кабинете теперь всегда был полумрак, и фигура начальника, мужчины крупного, и второго мужчины, которого он узнал только по цвету его бежевых брюк, расплывались в никотиновом тумане. Он приблизился к ним. В горле снова запершило. Каждый раз он сдерживался изо всех сил, чтобы не раскашляться, убеждая себя, что в следующий раз будет обязательно легче.

— Ну, что скажешь? — спросил начальник. Он так жадно затягивал сигарету, что шум горящей бумаги и табака резонировал во всем кабинете.

— Блестящая работа, — спокойно ответил он.

— Даааа, — довольно протянул начальник. — Словно в театр ходил, какая игра, какие эмоции. А как умело держал зрительский интерес.

Мужчина в бежевых брюках слегка улыбнулся, подобного рода оценка ему была крайне приятна.

— Ладно, — обратился начальник к мужчине в бежевых брюках, — ты свою работу выполнил на отлично. Иди, там тебя ждет новое задание: по-моему, в этот раз предстоит быть отцом-одиночкой.

Они остались вдвоем. Начальник достал новую сигарету, раскурил ее от старой и уставился на него. Какое-то время они просидели в тишине, пока старая сигарета, о которой начальник забыл, не догорела до конца и обожгла ему пальцы. Начальник выругался и быстро кинул окурок в пепельницу, где уже была небольшая горка.

— Интересный набор, — задумчиво произнес начальник.

Мужчина непроизвольно прошелся рукой по голове, по той части, где волос уже не было.

— Надеюсь ты понимаешь, что теперь назад дороги нет.

— Конечно. Но я уверен в каждом.

— Даже в пятом?

— Согласен, он немного выделяется на фоне остальных. Но поверьте, он не так прост, как это может показаться. Ему удастся убеждать людей как никому, ему доверяют, за ним готовы идти. А ещё он не лишен фантазии. Это прекрасное сочетание качеств и навыков, чтобы выполнить работу.

— А кому ты отдаешь предпочтение?

— Никому. Это работа. Я делал то, что от меня требовалось, не испытывая личных эмоций.

Он видел, как начальник внимательно смотрят. Боялся, как бы тот не добрался до истины, которую он так тщательно прячет. Тяжелый взгляд шефа давил на него, буравя насквозь. Но ни в коем случае нельзя допустить, чтобы хоть кто-то узнал, что он испытывает настоящий животный страх от неизвестности, которая всех ждет.

— Хорошо. Твоя миссия только начинается. Ступай.

Он встал и направился к выходу. Уже перед дверью его окликнул начальник.

— Кстати, забыл сказать. С галстуком тебе намного лучше, чем без него.

Он сразу же понял, к чему было это замечание.

— Ст...

— Тсс, — резко оборвал его начальник, словно взял маленького нашкодившего котенка за шкурку. — Ничего не говори. Иди уже, пока что-нибудь ещё не выкинул.

«Идиот», — подумал он про себя... Но так и не смог понять, кого он имеет в виду — себя самого или начальника. Пожалуй, все-таки себя.

Глава 11

Водитель вез Пантелеева и его жену обратно домой. И хотя день выдался длинным и весьма непростым, полковник испытывал радость. Ольга была в восторге от программы, которая была ей подготовлена. Когда она наконец встретилась с мужем в ресторане, то долго рассказывала про концерт ее любимого пианиста, потом дословно воспроизвела их беседу, которая состоялась за чашечкой кофе. Ольга, которая в детстве ходила в музыкальную школу, всю жизнь жила с ощущением, что она и музыка — это одно целое, ведь ее знакомство с музыкой началось со скрипки в самом детстве. Она была очарована этим инструментом, однако долгое время ей не удавалось никак его освоить. Несмотря на природную целеустремленность и большое желание, Оля, милая девочка с двумя аккуратно сплетенными косичками, не демонстрировала выдающихся результатов. Однажды, во время очередного урока, в их класс зашла директриса музыкальной школы. Это была тучная женщина в возрасте, которая никогда не улыбалась, у нее был достаточно тяжелый взгляд, которым она сканировала каждого ученика, всегда одевалась в очень сдержанной манере. В прошлом она была одной из лучших пианисток, неоднократно выступала в Кремле, несколько раз давала концерт лично президенту, ездила с концертной программой по всему миру. Со временем она поняла, что достигла в музыке всего, о чем только могла мечтать, и ее страстное желание играть стало угасать. Вдобавок проявился артрит рук — болезнь прогрессировала не очень быстро, однако играть становилось больнее и больнее. Врачи разводили руками, в таком возрасте подобные заболевания случались редко, поэтому объясняли это плохой наследственностью. Ей удалось уйти с большой сцены на пике своей профессиональной карьеры. После этого Анфиса Николаевна Анисимова вернулась в Москву, где решила начать преподавать, чтобы передать свой опыт, знания и мастерство молодому поколению. Спустя какое-то время ей предложили возглавить музыкальную школу им. Гнесиных, одну из самых лучших среди специализированных учреждений Москвы. Какое-то время Анисимова колебалась, ведь это означало, что ей придется фактически отказаться от преподавания. В конечном итоге она решила согласиться, посчитав, что это новый вызов, с которым она должна справиться. Да и артрит, развитие которого, конечно, удавалось замедлить, но все равно здорово мешал. Однако расстаться с желанием кого-то учить Анисимова не смогла, поэтому нашла выход: она сохранила за собой преподавательскую деятельность, беря не более трех учениц в год. И вот такая значимая фигура заходит в класс, где у Оли совсем ничего не получается. Она попыталась собраться и выдать свой максимум, но в душе понимала, что здорово фальшивила. Когда же Анисимова подошла к девочке и начала ее пристально рассматривать, словно ученый, изучающий какой-то новый вид бактерии под микроскопом, то руки совсем перестали слушаться, и она перестала даже пытаться играть. Анисимова после этого не ушла, а, наоборот, заговорила с испуганной девочкой.

— Тебе нравится скрипка?

— Да, очень. Я мечтаю на ней научиться играть.

— Ты очень стараешься.

— Но у меня ничего не выходит.

— У тебя длинные пальцы.

Такой комментарий маленькая Оля восприняла как причину, почему ее вот-вот отчислят из школы.

— Я очень старательная, я много практикуюсь и когда-нибудь обязательно заиграю без ошибок. Пожалуйста, не надо меня отчислять, дайте мне время, я не подведу.

Анисимова взяла сначала правую руку девочки, пощупала каждый палец, покрутила кисть в разные стороны. Потом проделала тоже самое с левой рукой.

— Пошли со мной.

Маленькая, испуганная девочка, будучи уверенной, что ее ведут в кабинет директрисы, чтобы позвонить родителям и сообщить об отчислении, собрала вещи и с опущенной головой грустно последовала за Анисимовой, с трудом сдерживая слезы. Но, к удивлению девочки, они прошли мимо лестницы, которая вела на 3-ий этаж, где находился кабинет директрисы. Дойдя до конца длинного коридора, Анисимова подошла к двери, на которой не было ничего: ни номера класса, ни таблички с именем учителя, ни даже названия музыкального инструмента. Директриса достала из кармана ключ, открыла дверь и пригласила её пройти внутрь. Девочка была так напугана, что сначала не могла сдвинуться с места, однако Анисимова, почуввав детский испуг, нежно улыбнулась.

— Не бойся, заходи. Уверена, тебе понравится, — произнесла директриса с милой улыбкой.

Юная Оля, прежде никогда не видевшая улыбку на суровом лице директрисы, зашла внутрь. Это был очень просторный класс с двумя большими окнами, выходящими во двор. Посередине стояло пианино, а рядом две банкетки, обе обшитые черной кожей. Девочка растерялась и не знала, что ей делать дальше. Директриса же закрыла дверь на замок и пошла к инструменту.

— Этот инструмент называется пианино. Конкретно это — мое личное, всю молодость я играла на нем. Ему уже очень много лет, но звучит оно по-прежнему превосходно. Она села на одну из банкеток и быстро сыграла мелодию. Девочка сразу поняла, что это за мелодия: именно ее она пыталась сыграть сегодня на уроке, когда вошла директриса. Анисимова встала, посмотрела на Ольгу и нежно к ней обратилась.

— Присядь. Попробуй что-нибудь сыграть.

— Но я не умею, совсем не знаю, что делать.

— Просто не думай об этом. Попробуй разные клавиши, узнай, какой звук исходит от каждой. А потом сочини что-нибудь.

Девочка подошла к процессу с привычной для себя обстоятельностью — она нажала на каждую клавишу, на некоторые даже по несколько раз. Потом попробовала что-то сыграть, но ей показалось, что со стороны это выглядело ужасно. Когда же Оля закончила, она посмотрела на директрису, сидящую на соседней банкетке. Анисимова не смотрела в лицо девочки, она внимательно изучала ее руки.

— Ну что же, как я и думала.

— У меня совсем нет таланта? Вы меня исключите из школы?

Испуганный ребенок старался изо всех сил не расплакаться, однако глаза уже были мокрыми, и первые слезы начали стекать по щекам.

— Да нет, напротив. Думаю, у тебя большой потенциал.

Ученица, не веря услышанному, протерла рукавом своего платья глаза, параллельно стараясь остановить водопад из слез. Директриса, тем временем, продолжила.

— Как тебя зовут?

— Оля Фролова.

— Олечка, у тебя очень красивые руки и невероятно изящные, гибкие и длинные пальцы. Они созданы для игры на пианино. Я хочу, чтобы ты забыла про скрипку. Хотя бы на время. И попробовала освоить пианино.

— Но ведь уже прошло полгода с момента начала учебы, меня не возьмут ни в один класс.

— Это неважно. Твоим учителем буду я.

Именно в тот момент связь маленькой девочки и музыки обросла неразрывными узами страсти и преданности делу. Несмотря на выдающиеся результаты в освоении пианино, в глубине души Ольга не забывала про скрипку, храня в закромах своего сердца мечту о том, чтобы подчинить себе смычок. Она блестяще закончила музыкальную школу и продолжила играть для себя. Однажды ее попросили сыграть на спектакле школьного театра, когда учительница

музыки заболела. Во время представления Ольга так сильно прониклась и своим выступлением, и постановкой, что захотела попробовать себя в новой роли. Вряд ли кто-то мог тогда предположить, что театр станет вторым домом Ольги, однако он поглотил ее с первой же репетиции. Сейчас она играет в спектаклях нескольких театров Москвы, не забывая о своей любви к музыке в составе одного оркестра.

За обедом Пантелеев внимательно слушал восторженный рассказ своей супруги и аккуратно уходил от вопроса о том, как же ему удалось организовать такой концерт и встречу. Николай Петрович внимательно слушал свою супругу, и где-то на середине обеда понял, что им так редко удается провести столько времени вместе. Конечно, они стараются проводить совместно время, посещать какие-то мероприятия, но зачастую это проходит в какой-то постоянной суете. Когда же Ольга начала предвосхищать предстоящий поход в Третьяковскую галерею, рассказывая историю написания незнакомой ему картины, полковник позволил себе немного отвлечься — он по-прежнему слушал генеральную линию повествования, но на деталях не фокусировался. Ему вспомнился их отпуск несколько лет назад, когда они ездили по городам России. Ещё тогда, во время поездки, Пантелеев впервые обратил внимание, как неспешно и размерено живут в небольших городах. Тогда полковнику показалось, что это или лень, или нежелание работать, или что-то ещё. Но чем бы это ни было, Пантелеев мысленно осудил такой безответственный подход. Но сейчас, когда он сидел с женой в уютном ресторане, и зная о смертельной опасности для всей планеты, он понял, как сильно ошибался. Какой смысл вечно куда-то спешить, стараться успеть сделать все на свете, если в один миг может все закончиться? И когда до конца останется несколько минут, кто окажется более счастливым: тот, кто наслаждался каждым мгновением жизни, или тот, кто вечно куда-то спешил и пытался объять необъятное? Несмотря на тягостные мысли, полковник не подавал виду, и обед прошел прекрасно, после чего супруги отправились в Третьяковскую галерею. Для Пантелеева поход был скучным, но он искренне старался делать вид, что ему очень интересно. Несколько раз он что-то уточнял, а однажды, сделав удивленные глаза, даже переспросил о чём-то, показывая супруге, как сильно удивлен только что рассказанным ему фактом. Прогулка на корабле с живой музыкой и ужином стала действительно замечательным завершением дня. Супруги наслаждались каждой секундой, проведенной вместе, говорили обо всем на свете, спорили на тему современного искусства — точнее это был не спор, а, скорее, ликбез для полковника, во время которого Ольга пыталась ему донести основную идею очередного направления в живописи.

Времени было за полночь, Ольга задремала в машине, положив голову на плечо Пантелеева. Николай Петрович аккуратно приобнял жену за талию, немного прижав ее к себе, чтобы ее голова случайно не упала с плеча. Машина выехала на Москворецкую набережную, и полковник, уставившись в окно, наслаждался неописуемой красотой ночной Москвы. Много где он побывал за свою карьеру — и объездил европейские страны, и изучил вдоль и поперек африканский континент, вдоволь погрузился в тонкости восточного мира, испытал на себе все прелести южноамериканской жизни и немало времени провел на североамериканском континенте. Но ни один город так и не смог оставить в душе полковника след сильнее, чем Москва. Столица России так здорово сочетает в себе историческое прошлое и современное будущее. Сейчас через голову спящей Ольги он смотрел на Императорский воспитательный дом. Такое величественное здание с небывалой историей — первый кирпич был заложен в далеком 18-ом веке, а итоговое строительство было завершено в 20-ом веке. Он прекрасно знал историю этого строения благодаря супруге, которая очень увлекалась архитектурой и историей России. От этой постройки веяло могуществом российской истории. Дальше показался большой Парк «Зарядье»: такой современный и красивый, однако в его названии кроется историческая подоплека. Огромный мост, нависавший над дорогой, создавал иллюзию, что он парит в воздухе. Впереди уже показались кремлевские стены, защищавшие, пожалуй, главный символ современной России. Когда впервые президент предложил сделать почти всю территорию

Кремля общественной, то люди восприняли это предложение по-разному. Однако Ольга была в восторге от такого решения. Более того, Пантелеев, который изначально не придавал особого значения этому событию, со временем проникся к идее и полностью поддержал аргументы своей жены: «Кремль — символ России, это показатель невероятной силы и бесконечной боли, — объясняла ему жена. — Сколько событий пережили эти стены? Сколько людей спаслось за ними? И ещё больше погибло». Действительно, история России поистине удивительная: сколько крови было пролито на территории страны, сколько войн и революций было пережито, сколько захватчиков хотели воссесть на троне? Пантелеев посмотрел на небо: луну было едва видно, и звезд было совсем мало. «Где-то там летит нечто ужасающее, оно мчится прямо на нас. Сможет ли Россия пережить и такое? Смогут ли стены Кремля выстоять против такого грозного врага?» — размышлял полковник.

Пока Пантелеев размышлял, машина проехала мимо Храма Христа Спасителя, оказалась на Пречистенке, свернула во дворы и через несколько минут подъехала к дому полковника. Пантелеев нежным поцелуем в лоб разбудил супругу, и они вместе вышли из машины.

— Николай Петрович, а цветы? — снова раздался знакомый полковнику вопрос.

Букет так понравился Ольге, что оставить его в машине было бы преступлением.

— Спасибо! Вы снова меня выручили.

Водитель в ответ услужливо улыбнулся. Когда полковник с супругой заходили в подъезд, он увидел, что машина только тогда тронулась с места.

Оказавшись дома, Пантелеев резко почувствовал сильнейшую усталость. Ольга сразу же направилась в ванну для подготовки ко сну. Николай Петрович решил ещё немного побыть наедине с собой. Он налил себе шотландский скотч из ограниченной коллекции. Эту бутылку ему подарил лично Министр обороны на его День рождения. Полковник вышел на застекленный балкон, открыл одно из окон, и, положив руки на подоконник, высунул лицо, вдохнув воздух ночной Москвы. После нескольких небольших глотков он достал черное приспособление, которое с момента встречи хранил во внутреннем кармане пиджака. Полковник покрутил его, приложил большой палец, и на небольшом экране снова высветилось «X-7». Он допил налитый скотч, зашел в гостиную и в углу провел рукой по стене. На противоположенной стороне раздался щелчок, и из стены выехал электронный ключ. Он взял его и подошел к стене. Легким движением пальцев открыл маленькое отверстие в стене, куда и вставил ключ, после чего в стене бесшумно открылась дверца сейфа. Пантелеев ещё раз приложил палец к недавно полученному устройству, снова увидел знакомое сочетание буквы и цифры и убрал его в сейф. Дверь сейфа он закрыл, достал электронный ключ из стены, потом вставил его обратно в стену и снова провел рукой по стене. Ключ спрятался в стене, скрыв какие-либо видимые признаки своего существования. Пантелеев быстро сходил в душ, смыл с себя остатки дня и отправился спать.

Глава 12

С самого детства Павел Сукнов демонстрировал небывалую тягу к знаниям и сильно выделялся среди сверстников. В семь лет он уже построил свой первый автомобиль — амфибию. За основу взял старую машину своего отца, которая без дела стояла в гараже. Иван Борисович, отец юного гения, каждый месяц обещал себе и супруге избавиться от груды металла, которая занимала место и с небывалой скоростью покрывалась ржавчиной, однако каждый раз он находил более важные дела и откладывал этот вопрос на месяц. Мальчик, однажды зайдя в гараж, заинтересовался машиной. В первый день он досконально изучил ее снаружи, осмотрев каждую деталь, изгиб и в каком направлении распространялась ржавчина, не забыв залезть и под машину, где также провел тщательный осмотр. На второй день он осмотрел ее изнутри: внимательно изучил двигатель, который, по словам Ивана Борисовича, «давно сдох», потыкал все кнопки, покрутил руль и даже нажал на все педали. Правда, ногами он до них не дотягивался, поэтому пришлось спускаться вниз, под руль, и изучать все руками и при помощи фонарика. На третий день семилетний мальчик, которого родители в особо трогательные моменты называли Павлуша, не выходил из своей комнаты. Он пропустил завтрак и обед, только под ужин наконец-то вышел из комнаты вместе с кучей разных чертежей, фотографий и каким-то непонятным макетом, сделанным из подручных средств. Миновав кухню и обеспокоенных родителей, он сразу направился в гараж, где провел весь вечер. Когда вернулся обратно, то был очень доволен, спросил у отца, смогут ли они поехать на какую-нибудь свалку, потому что ему требуется много деталей для важной работы. Хоть и не сразу, но Иван Борисович положительно ответил на просьбу сына, хотя потом и предлагал несколько раз купить всё необходимое в магазине, но Павлуша наотрез отказывался от такого, ему было интересно добиться своего на своих условиях. В ближайшие выходные отец и сын поехали на огромную автомобильную свалку, которая находилась в нескольких часах езды от их дома. Иван Борисович предусмотрительно попросил у соседа прицеп, чтобы туда поместилось все то, что выберет себе юное дарование. Вернувшись обратно не только с полным прицепом, но и с полной машиной, отец помог своему сыну затащить всё в гараж. Иван Борисович хотел подглядеть, что же такого задумал его сын, однако Павлуша предварительно расчистил место под все детали, а машину накрыл огромной брезентовой пленкой, так что как ни старался Иван Борисович, но ничего разглядеть ему не удалось.

Целых девятнадцать дней маленький инженер был полностью поглощён своим проектом: возвращаясь из школы, он даже не заходил домой, сразу шел в гараж, куда ему приносили еду. Только под вечер, когда уже надо было укладываться спать, Павлуша возвращался в свою комнату, быстро делал уроки и ложился спать. Несколько раз перед сном он приходил к отцу и молча давал ему список деталей и вещей, которые ему требовались, но которые нельзя было найти на свалке самостоятельно. Иван Борисович быстро просматривал весь перечень требуемых товаров, утвердительно кивал и на следующий день привозил все, что было заказано. Каждый раз, когда он открывал список, то боялся увидеть в нем что-нибудь такое, чего он не смог бы достать — необычное топливо, двигатель самолета или, возможно, вообще ракету. Он знал, насколько умен и талантлив его сын, поэтому иногда побаивался, как бы маленький гений не натворил дел. Однако Инна Афанасьевна, школьный учитель и прекрасный психолог, всегда успокаивала своего мужа и уверяла его, что их сын имеет самые добрые помыслы и намерения, поэтому переживать не стоит.

— Однажды он сделает что-то великое. Возможно, спасет мир. Я верю в нашего мальчика, — говорила она мужу.

Иногда она, испытывая особую гордость после очередного достижения или изобретения сына, мечтала, что он построит машину времени, и она сможет путешествовать по разным

эпохам. «Я стану самым лучшим учителем истории. Я смогу столько всего узнать, а потом поделюсь этим со всем миром, — мечтательно произносила она.

Наконец проект был завершен. Были выходные, на дворе стояла ясная, солнечная погода, Павлуша в обеденное время зашел на кухню и застал там родителей. Они переглянулись между собой и немного испугались — вдруг что-то случилось, ведь ещё было очень рано, чтобы сын покинул гараж.

— Мама, папа, я все сделал, — задыхаясь от радости, произнес он.

Родители переглянулись ещё раз, поняли, что все в порядке, и сразу же растеклись в улыбке, радуясь за сына.

— Ну, покажешь нам, что ты там делал? Мы с мамой уже устали гадать, что же ты там такого построил, — проговорил Иван Ильич.

Родители и правда устали гадать, они одновременно и сторали от любопытства, и с уважением относились к требованию сына о том, что в гараж нельзя входить до завершения всех работ. А ещё Ивана Ильича волновал вопрос, что делать с машиной, ведь близился конец месяца, а это значит, что совсем скоро супруга должна в очередной раз спросить, собирается ли он избавляться от проржавевшей массы.

Павлуша пригласил родителей проследовать за ним. Родители, оставив недоеденный обед, последовали за своим сыном, вошли в гараж и замерли. Вместо старой, ржавой и невзрачной машины, место которой давно было на помойке, перед ними стояло что-то совсем другое, невообразимое и, можно сказать, необъяснимое. Увидев смятение в глазах родителей, Павлуша принялся объяснять все в деталях.

«Это автомобиль-амфибия, он может ездить как по земле, так и по воде. За основу я взял, папа, твой старый автомобиль. Несмотря на то, что ржавчина проступала давно и везде, дно было в прекрасном состоянии, поэтому самое сложное делать не пришлось. Я немного изменил форму кузова впереди, чтобы машина хорошо держалась на воде. Ещё перебрал старый двигатель, увеличил его мощность и модернизировал конструкцию. Теперь он работает на дизельном топливе. В багажнике имеется теперь и второй двигатель, который позволит плыть по воде. Конечно, океан мы не пересечем, но небольшую речку осилим легко. Он также работает на дизельном топливе, — радостно показывал своё детище маленький инженер. — Правда, я так и не придумал, куда класть вещи, ведь багажник теперь занят, — с явным расстройством заявил Павлуша. — Зато я сделал откидную крышку, теперь можно ездить и плавать, наслаждаясь прекрасной погодой». Последний факт явно воодушевлял ребенка, и он моментально позабыл про проблему багажника.

Тогда родители по-настоящему осознали, что у их сына вряд ли будет детство обычного ребенка. В одиннадцать лет он закончил школу, после чего было принято решение отправить его в лучший инженерный университет Великобритании, который он с отличием окончил в шестнадцать лет. Его профессиональная карьера началась очень рано: пока сверстники только начинали учебу в университетах и осваивали все прелести подростковой жизни, Павел уже работал в частных проектах по всему миру.

Глава 13

Ожидание часа X, когда будут доступны дальнейшие инструкции, проходили непросто. Ночь Пантелеев провел беспокойно: все время ворочался, просыпался, а в те редкие случаи, когда ему удавалась задремать, мозг никак не хотел отключиться и немного отдохнуть перед предстоящим событием. Давным-давно полковник был с весьма важным заданием в одной из стран Ближнего Востока, где ему оказали, как ему показалось на первый взгляд, радушный прием. Его приезд ждали, а потому он был встречен поистине на высшем уровне — ему предложили лучшую машину, за ним приставили маленькую армию для охраны, а когда он проезжал по какой-то улице, то всех местных жителей сгоняли домой, чтобы лишний раз не подвергать важного гостя опасности. Когда же Пантелеев наконец-то добрался до места, где должны были пройти переговоры, его ждал роскошный ужин и прекрасные напитки, а любой его каприз готовы были удовлетворить за считанные минуты. К концу трапезы хозяин резиденции, где они были, предложил пройти в другую комнату. Там же перешли от разных напитков к курению кальянов. Полковник попробовал отказаться, однако быстро смекнул, что таким образом обидит хозяина и всех собравшихся, поэтому был вынужден согласиться.

«Чему быть, того не миновать», — философски успокоил себя Пантелеев, помня в голове, что делает это ради благих целей.

Хозяин дома распорядился, и через минуту перед Пантелеевым стоял только что налаженный кальян. Первая затяжка прошла тяжело: полковник раскашлялся, а в глазах сначала потемнело, а затем появились звездочки. У собравшихся, которые курили как паровозы, такая реакция вызвала волну надменного смеха.

«Ах вот, значит, как, — все понял Пантелеев. — Решили поиграть со мной».

Пантелеев быстро смекнул, что это был психологический прием, чтобы показать гостю, хоть и очень важному, что он не находится на одном уровне с хозяевами. Полковник откашлялся после первой затяжки, дождался, пока зрение снова стало ясным. Острое жжение от крепкого табака вызывало приличный дискомфорт в области легких, глаза начинали слезиться. Пантелеев сделал несколько глубоких вдохов и удобно раскинулся на большом, просторном диване. Трубку кальяна он взял в правую руку, а левую положил под бедро, чтобы кисть руки не было видно. Он с такой силой вцепился в свое бедро, так сильно сжал кожу на нем, что когда была сделана вторая затяжка, то организм ее даже не почувствовал, ведь всё внимание было сконцентрировано на жгучей боли в области ноги. Для того, чтобы привыкнуть к кальяну и перестать кашлять, потребовалось несколько минут. За это время боль в ноге только нарастала, и когда Пантелеев наконец-то разжал кулак, облегчение настало моментально, но боль по-прежнему была достаточно сильной, чтобы не пострадать от кальяна. А минут через десять Пантелеев почувствовал странную расслабленность: нога перестала болеть, веки стали тяжелыми, а конечности превратились в песок.

«Одурманили!» — догадался полковник.

Правда, все присутствующие также сильно расслабились, так что Пантелеев не стал это воспринимать как злой умысел, сошелся на особенностях местного гостеприимства. До сих пор полковник не понимает, как ему удалось успешно провести переговоры и добиться желаемого, но ту ночь он заполнил на всю жизнь — бесконечные галлюцинации, то жар по всему телу, то мороз, который обжигал тело подобно прыжку в прорубь зимой. Вот и в сегодняшнюю ночь перед дальнейшими инструкциями полковник переживал нечто подобное. Каждый раз, когда дремота брала вверх, на смену ей приходили непонятные видения, голоса и ощущения. Один раз показалось, что Пантелееву все-таки удалось заснуть, он погрузился в сон, где они с супругой лежали на каком-то пляже. Там было много деревьев, свежий морской воздух приятно заигрывал с носом полковника, яркое солнце пленительно обжигало тело, а теплая

вода нежно омывала ноги словно заботливая мать укрывает своего маленького ребенка одеялом посреди ночи. И вдруг все это резко куда-то исчезает: деревья начинают гореть, солнце становится ярко-красным, и теперь оно прожигает тело, а вместо моря осталось безжизненно высохшая земля. Полковник видит, как Ольга куда-то отдаляется и потихоньку исчезает, но он ничего не может сделать, его ноги оказываются по колено в земле. В попытках понять, что происходит, высоко в небе он видит сияние, оно становится ярче, ещё ярче, пока не приобретает отчетливую форму.

«Это он. Он прилетел. Началось. И так быстро закончится», — понял полковник.

Ольга окончательно исчезла, последние деревья догорали, повсюду были человеческие кости, а высохшая земля, образовавшаяся на месте моря, превратилась в огромную воронку как после мощнейшего взрыва. И вот космический убийца стремительно падает прямо на Пантелеева, он уже чувствует его приближение, его запах — что-то жженое, похожее на расплавленный пластик. Кожа начинает гореть, неопикуемый жар, исходящий от космического разрушителя, сжигает всё на своём пути. Пантелеев уже ничего не может сделать, ему остается просто ждать, благо осталось недолго. Из последних сил он поднимает глаза вверх, и резко наступает полная темнота.

Глава 14

Сон получился настолько тяжелым и реалистичным, что Пантелеев, открыв глаза, не сразу понял, где находится. Лучи весеннего, майского солнца просачивались сквозь жалюзи в спальне. Осознав, что это был лишь сон, полковник сделал несколько глубоких вдохов и провел рукой по лицу, вытерев пот. Когда сердцебиение нормализовалось, он услышал легкое посапывание супруги. Повернул голову и убедился, что с Ольгой все хорошо: она спокойно спала, свернувшись калачиком и забрав у супруга все одеяло. Полковник посмотрел на часы, стоящие на прикроватной тумбочке. Было почти шесть утра, и он выдохнул с облегчением: скоро и так надо было вставать, поэтому можно больше не пытаться заснуть.

Пантелеев встал с кровати, стараясь делать все тихо, чтобы не разбудить Ольгу, и направился в ванну. Закончив утренний туалет, он направился в гостиную, где сначала сделал привычную утреннюю гимнастику, а потом открыл сейф и достал оттуда «ключ». До 9 утра оставалось несколько часов, он покрутил в руках черное приспособление, приложил палец и увидел привычную надпись: «X-7». Недовольный таким результатом, принялся с особым рвением и азартом изучать «ключ». На секунду Пантелеев поймал себя на мысли, что сейчас он будто вернулся в свое детство, когда однажды нашел свой новогодний подарок, заранее приготовленный родителями, в шкафу. Это была большая, красиво упакованная коробочка с огромным красным бантом посередине — авторский знак его мамы, которая все самостоятельно упакованные подарки помечала таким бантом. И вот маленький Коля пытался понять, что же там внутри — крутил коробку, тряс, рассматривал ее под разными углами, даже направлял на нее лампу в надежде, что она просветит коробку, но все попытки оказались тщетными. Когда любопытство разыгралось настолько сильно, что терпеть уже сил не было, Пантелеев решился распаковать подарок, но, едва дотронувшись до банта, сразу представил, как сильно расстроится мама, если он откроет подарок раньше времени. Да и папа вряд ли обрадовался бы. Со слезами на глазах маленький мальчик положил подарок обратно в шкаф и набрался терпения, ведь до праздника была ещё целая неделя. И вот последующие семь дней он словно кот ходил вокруг этого шкафа и облизывался, но больше коробку так и не трогал. Сейчас же, когда детство Пантелеева было далеко позади, он рассматривал «ключ» как ту самую коробку — даже подносил к свету настольной лампы, однако и сейчас, как в случае с подарочной коробочкой, никакого результата это не принесло. Без особого желания он неплотно позавтракал, за два глотка осушил чашку с кофе и направился в гардеробную. Там без промедления выбрал один из своих костюмов, подобрал рубашку, завязал галстук и склонил голову над шкапулкой с часами. Для Пантелеева выбор часов всегда занимал какое-то время, его супруга частенько подшучивала над ним, что она быстрее подбирает сумочку и туфли, чем он часы. На принятие решения ушло чуть больше минуты, сегодня оно было сделано в пользу японских Casio на металлическом ремешке.

В офис он приехал, как и всегда, в 7:30 утра. Обычно полковник сразу же принимался за дела, изучая данные, полученные за выходные, читал новости, но сейчас работа его совсем не интересовала. Не зная, чем себя занять, Пантелеев направился в свой импровизированный спортивный зал. Он сделал несколько упражнений со снарядами, хорошенько настучал по груше, после чего ему немного полегчало. Слева от интерактивной карты стоял небольшой столик, где была кофемашина. В обычные дни полковник пил кофе после обеда, у него был целый ритуал — он делал себе свежий кофе, выключал компьютер и отключал телефон, оставляя только возможность принять срочные вызовы. После чего откидывался в кресле и наслаждался напитком ровно десять минут, о чем-то мечтая или рассуждая над какой-нибудь философской темой. Так он расслаблялся после первой половины дня, готовился к рабочим вопросам и, конечно, боролся с желанием поспать после сытной трапезы. Попытавшись проделать тоже

самое, но только утром, Пантелеев с досадой понял, что чашка кофе не приносит ему никакого удовольствия, а все рассуждения и мысли сводятся к тому, что он ждет 9 часов утра.

— Ладно, погуляю по офису, — пожал плечами Пантелеев, покидая свой кабинет.

В лифте он нажал на 3-ий этаж, вышел и направился по длинному, стеклянному переходу, соединяющему две стеклянные башни. Центр изучения космоса и разработки космических технологий раскинулся на Бережковской набережной на месте бывшей ТЭЦ. На большой территории было много зданий разного назначения — две стеклянные башни по 12 этажей каждая стояли вдоль дороги, с последнего этажа открывался чудесный вид на Москва-реку и Москву. Две башни были соединены длинными стеклянными коридорами на 3-ем и 9-ом этажах. Помимо башен, на территории было несколько производственных площадок, здания, где сидели только инженеры, постройки, предназначенные для конструкторов, а в самой середине строился огромный телескоп, который должен был стать крупнейшим в стране. На строительстве именно здесь, в центре Москвы, лично настоял Пантелеев. Изначально обсуждалось, что телескоп, который позволит вывести изучение космоса на новый уровень, будет установлен где-то в Сибири. Но незадолго до окончательного утверждения проекта Пантелеев был назначен на свою должность, и он сразу убедил всех в необходимости строительства на территории Центра. В середине стеклянного прохода полковник остановился и посмотрел на строившийся телескоп. По предварительным данным, проект должен быть завершен в течение пяти лет, и полковник, помня это, немного взгрустнул.

«А нужен ли ты вообще будешь...» — обреченно задумался он.

Пантелеев быстро откинул грустные мысли прочь, и через минуту уже был в другой башне. Там, раскинувшись на два этажа, с 3-его по 4-ый, находилось сплошное помещение, в котором были размещены вычислительно-аналитические установки. Огромное количество данных сначала обрабатывалось искусственным интеллектом, а уже потом попадало к людям. Раньше анализом всех данных занимались обычные сотрудники, но Пантелеев очень быстро понял, что это неэффективно. Всего за два года ему удалось полностью изменить подход к работе, максимально автоматизировав процессы: пока машина занималась вычислениями и анализом, люди фокусировались на своих прямых обязанностях, не тратя время на пустую работу. Пантелеев был прекрасным руководителем, всегда старался раскрыть лучшие стороны сотрудников и дать им всяческую свободу для творчества. Так, например, он сразу же отменил фиксированные рабочие графики — люди могли приходить и уходить во сколько им удобно, самое главное — результат, а как они его добиваются, Пантелеева не волновало. Правда, в помещении, где были расположены компьютеры, всегда была дежурная группа, в которую входили два оператора, отвечающие за работу установок, три технических специалиста на случай поломки, и один начальник смены, контролирующий работу всей группы. Пантелеев, подойдя к помещению, сначала показал свой пропуск охране, и они открыли первую массивную металлическую дверь. Когда Пантелеев вошел в нее, то оказался в маленьком коридоре, где впереди была ещё одна дверь, но на этот раз стеклянная. Толщина синтетического стекла, которое по прочности могло сравниться с алмазом, составляла полметра. Перед этой дверью Пантелеев приложил руку к специальному датчику, который идентифицировал его, после чего дверь открылась. Внутри было установлено множество различных компьютеров, серверов и прочих технических установок, о принципах работы которых Пантелеев не имел ни малейшего представления. Техника раскинулась на всю длину и высоту. Если посмотреть на расположение сверху, то можно было подумать, что внизу находится лабиринт. Собственно, в каком-то смысле так и было — если не знать, куда идти, то можно легко заблудиться. Пантелеева сразу встретил начальника сегодняшней смены Егора Ильича — седовласого мужчину шестидесяти четырех лет, на нём были свободные брюки, голубая потертая рубашка и свитер с рисунком ромбиков. Егор Ильич всю жизнь проработал в Центре, многократно признавался лучшим

сотрудником года. Несмотря на свой возраст, он был полон энергии, всегда быстро ходил, часто улыбался и готов был помочь в любом вопросе.

— Николай Петрович, приветствую.

— Егор Ильич, доброе утро. Как дела, как прошла ночь?

— Все отлично, работаем в штатном режиме. Был небольшой сбой в анализе данных, но все быстро устранили.

— Что-то серьезное?

— Ничего такого, о чем стоило бы переживать.

— Отлично. Где все остальные?

— У нас по графику плановый обход. Операторы проверяют правильность настроек, технари смотрят показатели.

— Спасибо, Егор Ильич. Я прогуляюсь, Вы не против?

— Если что потребуется, я буду рядом.

На этом Егор Ильич тактично направился в другую сторону, оставив Пантелеева одного. Полковник иногда любил прогуляться тут, поэтому прекрасно знал, в какую сторону идти, чтобы не потеряться. Он шел тихо, скользя мимо проверяющих работу сотрудников, чтобы не отвлекать их. Пантелеев смотрел на многочисленные компьютеры, которые шумели во время работы, большое количество лампочек, фонариков, мониторов — всё это завораживало и одновременно успокаивало его. Как-то ему пытались объяснить, как все это работает, но он понял, что ему нравится просто знать, что все функционирует без проблем, не вдаваясь в технические детали. Он называл это высокотехнологической романтикой — все работает, но ты понятия не имеешь, как именно, и вот эта загадка и романтизирует все. Прогуливаясь по помещению, полковник то поднимался на технические мостики, то опускался. В какой-то момент остановился и внимательно осмотрелся.

— Настанет день, когда эти машины обязательно узнают и донесут о приближающийся угрозе. Интересно, как скоро это будет, — задумался он.

Пантелеев машинально взглянул на часы и здорово удивился. Прогулка не только отвлекла его, но и помогла убить время — до 9 часов оставалось каких-то 15 минут.

Спешно возвращаясь к себе в кабинет, он достал из пиджака черный «ключ», приложил большой палец. На экране по-прежнему была знакомая информация — «X-7». Довольный, что ничего не упустил, Пантелеев прибавил шагу.

Глава 15

Добрался до рабочего стола Пантелеев впритык — за две с половиной минуты до назначенного времени. Он запер кабинет на замок, достал «ключ» из внутреннего кармана пиджака, приложил большой палец, но ничего нового не произошло — снова «X-7». Полковник полностью выключил и рабочий телефон, и компьютер, сделав себя недоступным даже для срочных звонков. Неожиданно черное приспособление издало какой-то звук, и на маленьком экране, где обычно светилось «X-7», появилась цифра «60», после чего начался обратный отсчет. С одной стороны, ему хотелось поскорее узнать, что же будет дальше, потому что ожидание было мучительным. С другой стороны, та неизвестность, которая ждала его, здорово пугала. Пантелеев не до конца понимал, что же вообще произошло за последние два дня. Он неоднократно пытался осознать все случившиеся, но каждый раз, прокручивая все события и пытаясь предсказать дальнейшее их развитие, упирался в неизвестность. Сейчас, когда шел обратный отсчет, полковнику казалось, что ничего экстраординарного ещё не случилось, что ещё есть выбор, однако в 9 часов, через каких-то тридцать секунд, настанет точка невозврата. «Это обман», — с каким-то опустошением произнес вслух полковник. В этот самый момент он словно прозрел после какого-то забвения и осознал, что выбора-то у него никакого нет. После той самой встречи в неизвестном месте у всех, кто там был, только одна дорога и уж точно не назад. Ближайшие годы придется жить с тяжелым чувством чего-то неминуемого. Если дезинтегратор сработает, то жить на поверхности Земли будет или проблематично, или вовсе невозможно. А если план вообще провалится, то что будет со всеми людьми? Но его размышления прервались из-за вибрации, исходящей от черного приспособления.

«Десять, девять, восемь», — не отрываясь, смотрел на экран полковник, губами проговаривая каждую цифру.

«Семь, шесть», — полковник отчетливо слышал безумный стук своего сердца. Казалось, что оно стучит с такой скоростью, что вот-вот пробьет дыру в груди.

«Пять, четыре», — полковник, не зная, что будет дальше, встал, крепко сжимая «ключ» и жадно облизывая высохшие губы».

«Три, два, один», — у Николай Петровича к концу отсчета даже в глазах потемнело.

Вибрация прекратилась, а с экрана пропали цифры. Когда ничего не произошло, полковник почувствовал опустошение. Он громко дышал ртом, словно только что пробежал стометровку, рубашка была насквозь мокрой, а на лбу вылезла огромная вена. Ещё какое-то время Пантелеев просто стоял неподвижно, ожидая чего-то. Полковник посмотрел на свои часы, уже было три минуты десятого. Сам того не осознавая, его ноги просто подкосились, он свалился в свое рабочее кресло. Опустошение сменилось смятением.

«Нет, такого не может быть. Вибрация, обратный отсчет, это все было не просто так, — убеждал он сам себя. — Было сказано, что в понедельник, в 9 утра...» Затем полковник, славящийся своим умением держать себя в руках в любой ситуации и всегда контролировать эмоции, почувствовал резкий приступ злости.

«Что это за вздор!» — закипел Пантелеев.

Но здравый смысл быстро возобладал, и через мгновение полковник снова был спокоен и рассудителен. Он сделал несколько глубоких вдохов по методике, которую ему показал его японский друг Акарумэй Кояма: «Если просто дышать, то ничего не произойдет. Организм обмануть сложно, но все-таки можно. Если ты хочешь взять под контроль свои эмоции, то нужно дышать не носом, а мозгом». Сначала Пантелеев подумал, что Кояма, который прекрасно говорил на нескольких иностранных языках, просто употребил не то слово, но, как выяснилось, он не ошибся. «Да-да, дорогой друг, именно мозгом. Первый вдох должен оторвать тебя от причины твоего состояния — глубоко вдохни, представь, будто происходит что-

то неожиданное и крайне непривычное. Например, на тебя выливают бочку ледяной воды. Второй вдох должен выплеснуть все эмоции, которые мешают тебе сосредоточиться. Я, например, мысленно наношу смертельный удар катаной врагу. Думаю, такой вариант тебе вряд ли подойдет, так что придумай что-нибудь свое. Третий же вдох должен принести умиротворение — легкие вдыхают, а мозг переносит меня в теплый источник. Я сижу в нем голый, мой разум, тело и душа абсолютно чистые и спокойные, гармония достигнута». Полковнику почему-то сразу поверил в действенность такого способа, и, как оказалось, Кояма не обманул. Вот и сейчас, когда надо было успокоиться, полковник сделал три глубоких вдоха: после первого он с головой нырял в прорубь — пример Коямы ему очень понравился, он не стал отказываться от ледяной воды. Второй вдох переносил его на юношеский чемпионат России по боксу, где он своим коронным правым хуком отправляет противника в нокаут в финальном бое. Третий вздох переносит его в тихую деревеньку в Японии, где у них с Ольгой в самом разгаре чайная церемония.

Полковник взял «ключ» и приложил к нему свой палец. Но вместо привычной надписи на экране из нижней части что-то вылезло. Пантелеев, помедлив, с некоторой опаской внимательно все изучил и понял, что это была карта памяти. Он достал ее из «ключа» и вставил в компьютер, после чего на мониторе возникла надпись: «Совершенно секретно». Полковник открыл файл, и на экране началось видео. На нем было уже знакомое лицо «докладчика» — снова свежее, облагоустроенное румянцем на щеках, кожа приятного цвета.

— Николай Петрович, доброе утро, — обратился «докладчик» к Пантелееву. — С сегодняшнего дня у вас нет задачи важнее, чем строительство подземного города X-7.

— Да уж, вот так радость, — проворчал Пантелеев, радуясь, что его никто не слышит. Именно в этот момент он стал осознавать, во что его втянули. С одной стороны, нет никаких сомнений, ему оказали невероятную честь — он среди десяти претендентов, на чьи плечи возложена миссия по спасению своей страны, а, возможно, и всего человечества. Правда, всё ещё есть вероятность, что это всё не потребуется, лазерный дезинтегратор справится, и жизнь на Земле продолжится в привычном формате. Но сам факт того, что теперь он в авангарде событий, тешило самолюбие полковника, хотя прежде он никогда не кичился своими достижениями. С другой стороны, на него взвалили ношу, которую пока непонятно, как нести. Ближайшие годы над ним будет висеть словно Дамоклов меч летящий с невероятной скоростью космический убийца, который может сотворить неведомо что со всем живым на планете.

«Докладчик» был верен себе: он выждал очередную паузу, как бы предугадывая, что его слушателю требуется немного времени на собственные размышления.

— Карта памяти, которая появилась сегодня, содержит не только мое послание, но и координаты вашего города. После того, как я закончу вас инструктировать, на карте отобразится местоположение X-7. Ваша задача — построить город, который сможет полностью функционировать самостоятельно, без какой-либо внешней поддержки. Вы исходите из того, что на поверхности Земли ничего нет, — подытожил «докладчик», чья самовлюбленная физиономия никак не соотносилась с тем, что он только что произнёс.

Последняя фраза здорово насторожила Пантелеева. Что-то едва уловимое скользнуло по уху полковника, как бы невзначай предупреждая его о чем-то. Он поставил видео на паузу, а потом отмотал его назад. «... самостоятельно, без какой-либо внешней поддержки. Вы исходите из того, что на поверхности Земли ничего нет», — внимательно прослушал он. Убедившись, что ему не показалось, он снова и снова слушал на повторе последнюю фразу. После очередного раза Пантелеев окончательно опешил. «Чёрт, мне не показалось!» Тогда, на встрече, им говорили лишь о возможности такого исхода события, но сейчас всё было иначе. Лёгкий холодок пробежался по телу полковника. В горле не просто резко пересохло, казалось, что от засухи кожа вот-вот треснет и разойдется по швам как дешевое платье. Пантелеев почувствовал, как его сердце тяжело бьется в груди, эти сильные и планомерные движения напоминали

мощные, увесистые удары молотка по уже забитому гвоздю, отчего все его тело сотрясалось с небывалой силой.

«Подземные города — это не подстраховка, это основной план», — с ужасом осознал он.

От подобного заключения он совсем выбился из сил. Ещё пять минут назад он спешил в кабинет, чтобы не пропустить ничего важного, а сейчас он вдруг впал в прострацию. Полковник встал из-за стола и подошел к интерактивной карте, которая висела в его кабинете. Он не хотел читать новости, а просто бесцельно уставился на нее, стараясь прийти в себя. Полковник снова попытался воспользоваться техникой Коямы, однако понял, что если в своей голове сейчас нырнет в прорубь, то скорее всего там и останется, сгинув в ледяной бездне.

Неподвижно простояв какое-то время, Пантелеев потихоньку пришел в себя и вернулся за стол. Несколько минут он сомневался, что ему следует сделать дальше — прокрутить последнюю фразу ещё раз или двигаться дальше. Пришлось устроить торги с самим собой, но в итоге после ожесточенных внутренних дискуссий было решено идти дальше.

«Кто знает, что ещё я узнаю», — сказал он вслух, хорошенько выругавшись в конце, что было совсем ему несвойственно.

— Водитель, который был субботу, отныне с вами всегда, — продолжил «докладчик». — Помимо этого, в вашем распоряжении будет самолет, всегда заправленный и готовый к полету. Как я уже говорил, вам будут доступны неограниченные ресурсы и технологии для строительства города, любого рода запросы можете решать через Архипова. В любой момент приложите палец к выданному устройству — в руках «докладчика» появился такой же «ключ» — и выберите нужное действие. Эта штучка хранит в себе массу возможностей, уверен, вы быстро разберетесь.

Полковник взял «ключ» и покрутил его в руках, но неожиданно для себя обнаружил, что его взгляд полностью прикован к монитору и он даже не смотрит на свои руки.

— Чтобы не вызывать никаких подозрений на работе, придумайте какую-нибудь легенду, почему вы так редко будете бывать в офисе. Чтобы Центр продолжал нормально функционировать, всю работу за вас будет делать ваш новый помощник. Его личное дело на вашей почте. Толковый парень, между прочим. У нас были на него большие планы, но мы решили, что вам он нужнее.

— Сначала вы решаете, что я должен строить какой-то город, потом самостоятельно выбираете мне помощника. Страшно представить, что ещё вы решите за меня, — строго произнес полковник, ехидно улыбаясь. И снова он порадовался, что его никто не слышит.

— Осталось самое главное, — продолжил «докладчик», намекая на скорое завершение инструктажа.

Пантелеев рефлекторно скукожился, неизбежно ожидая чего-нибудь особенного напоследок.

— Удачи, — лаконично произнес «докладчик», расплывшись в улыбке.

На этом видео оборвалось, оставив Пантелеева в полном одиночестве. На экране появилась карта России и маленькая, красная мигающая точка в южной части. Однако полковник не спешил делать что-то дальше. После просмотра записи он ощущал, как что-то гнетет его, тащит куда-то вниз, а он отчаянно пытается сопротивляться этому. И несмотря на все попытки, ему не удаётся ничего противопоставить, ведь он даже не может понять, кто или что тянет его глубоко на дно.

Пантелеев попробовал воспроизвести видео ещё раз, но на карте памяти его уже не было, на экране по-прежнему была карта с красной мигающей точкой. Он укоризненно выдохнул, разрезав воздух мощным и недовольным потоком воздуха, выходящим из его ноздрей.

Полковник встал и направился к своему импровизированному спортивному залу. Сначала он резким движением взобрался на турник, сделав десять чистых подтягиваний. Потом подошел к боксерской груше, немного помахал руками в разные стороны, размяв плечевые

и локтевые суставы, а после нанес серию сокрушительных ударов по снаряду. Металлическая цепь, на которой висела груша, звонко зазвучала в такт точных и невероятно сильных движений полковника. Закончив спортивную паузу, Пантелеев вернулся за свой стол, откинулся и закрыл глаза. Он воспроизвел видео по памяти, особое внимание было уделено той самой фразе, которая не давала ему покоя. Несколько минут полковник сидел неподвижно, только фаланги пальцев одной руки он приложил к другой, медленно сгибая и разгибая их.

«Зачем нужно было это видео? Что такого сказал „докладчик“, чего нельзя было озвучить на встрече? Сказать про водителя? Самолет? Нет, тут что-то другое. Но что?»

Пантелеев открыл глаза и выровнялся на стуле. Он с силой сжимал кулаки и также стремительно их разжимал, натягивая все десять пальцев своих рук как гитарные струны. Красная точка превратилась из просто мигающего индикатора в фактор серьезного раздражения. Полковник принялся увеличивать карту.

«Архыз...» — сосредоточенно произнес Пантелеев.

Как на это реагировать, он не знал. Он бездумно покрутил карту, сначала увеличивая ее масштаб, а затем уменьшая его, но ни на какие выводы его это не натолкнуло. Вспомнив про «ключ», полковник взял его в руки, прижал палец так же, как делал до этого много раз, но ничего не произошло. Он дважды повторил действие, но все попытки оказались тщетными. Полковник начал злиться, и его это здорово удручило. Контролировать себя становилось непосильной ношей.

Затем, смекнув, Пантелеев вырвал листок из блокнота, переписал туда точные координаты города, вытащил из компьютера карту памяти, вставил ее обратно в черный прибор и снова приложил палец. На экране сначала появилась привычная надпись: «X-7», а спустя секунду появилось небольшое меню, на котором было изображено три знака: автомобиль, самолет и большая буква «А».

«Водитель, пилот и, видимо, Архипов. Во всяком случае я бы сделал именно так», — он одобритительно подумал.

Чтобы не гадать, прав он или нет, Пантелеев нажал на букву «А». Через несколько секунд над «ключом» появилась голова Архипова в виде голографического изображения.

— Николай Петрович, мое почтение.

— Петр Иванович, добрый день.

— Поздравляю, Николай Петрович, Вы в числе первых, кто разобрался с «Колибри».

— С чем, простите?

— «Колибри», птица такая. Маленькая.

— Да, что это за птица я знаю, просто не сразу понял, что...

— Не переживайте, Вы не первый.

Как и раньше, Архипов придерживался своего, видимо, фирменного стиля общения: перебивать собеседника, не давая ему закончить мысль. Пантелеев подумал, что для работы, особенно для должности Архипова, такая обескураживающая манера не так плоха, но если он также ведет себя и вне работы, то окружающим его людям можно только посочувствовать.

— Или плохое воспитание, или профессиональная деформация, — попыток Пантелеев, чтобы больше не возвращаться к этому вопросу.

— Почему «Колибри»? — полковник вернулся к диалогу с Архиповым.

— У меня от этой истории уже язык заплетается, — ехидно ответил Архипов.

Сказав это, голографическая голова замолчала, уставившись на Пантелеева. Полковник, в свою очередь, пожал плечами и сделал вид, что не уловил настроения собеседника.

— Расскажите мне, а остальным можете сказать, что не знаете, — спокойно сказал полковник.

Архипов оценил ответ Пантелеева, заулыбавшись, подключив к движению рта и нос, который приподнялся из-за широкой улыбки.

— Изобретатель данного устройства — один российский инженер. По неведомой причине он повернут на этих маленьких птичках. Представляете, у него половина одежды с изображением этой крохи. В общем, решил назвать этот коммутатор в честь птицы.

— Креативно.

— Не то слово.

— Для чего вообще предназначено это устройство?

— Все просто. Для связи со мной, водителем и пилотом. Тут защищенная линия связи, никто никогда не подслушает нас. В нем есть вакуумный ограничитель, наподобие того, что использовал я на парковке во время нашего с вами разговора в пятницу.

— А как его включить?

— Он активируется автоматически каждый раз, когда вы кому-то звоните.

— То есть он работает прямо сейчас?

— Безусловно.

— Но я даже не заметил, как он...

— Технологии, Николай Петрович. В этом их смысл, они делают все за нас, нам, людям, не надо лишний раз напрягаться.

Николай Петрович начал крутить головой, пытаясь увидеть невидимое поле, которое его окружает.

— Не увидите.

Полковник резко повернул голову и уставился на лицо Архипова.

«Как он узнал, что я пытаюсь увидеть поле?»

— Ах да, забыл сказать. Я вижу вас точно так же, как вы видите меня.

«Теперь ясно, как».

— Технологии.

— Именно, Николай Петрович.

— Что мне делать дальше?

— Вы решаете сами. Если что-то нужно — обращаетесь ко мне.

Не успел полковник спросить что-то ещё, как Архипов быстро сказал.

— Николай Петрович, ещё один разобрался с птичкой. Надо ответить. На связи.

Голова пропала, и Пантелеев снова оказался в полном одиночестве.

— Интересно, кто первым разобрался с этой штуковиной? — подумал он, но быстро отбросил мысли об этом, посчитав, что это какое-то ребячество.

Полковник вспомнил, что «докладчик» упомянул заместителя, который будет управлять Центром. Он открыл почту и нашел нужный файл.

С характерной для себя скрупулезностью Пантелеев принялся изучать своего сменщика, но в какой-то момент одернул себя. Смысла в этом не было никакого, ведь кандидат уже был выбран. Более того, полковник впервые нашел во всем происходящем хоть что-то положительное: ему не придется ломать голову, подыскивая себе замену, и переживать из-за того, что не может достаточно времени уделять Центру.

Полковник мыслями быстро вернулся к «X-7». Он нажал на значок самолета на «Колибри», а через мгновение перед ним появилась ещё одна голова. Несмотря на высокое качество изображения, пиксели и искажение цвета не давали хорошо рассмотреть человека, которого полковник видел впервые.

— Николай Петрович, доброе утро. Разрешите представиться: Кольт, Сергей Сергеевич, командир воздушного судна. Отныне всегда в вашем распоряжении.

— Пантелеев, Николай Петрович. Рад знакомству.

— Куда-то летим? — по-деловому спросил Кольт.

— Пожалуй. Кажется, в Южный регион, точные координаты у меня записаны, могу их продиктовать.

— Не стоит. Покажете лично.

— А разве не нужно предварительно знать, куда мы летим? Ну, чтобы договориться с аэропортом, получить соответствующие разрешения.

— Николай Петрович, наше летательное средство имеет высшую категорию доступа. Мы летим куда и когда хотим.

— Даже так...

— При встрече я все вам подробно покажу и расскажу.

— Хорошо. Где Вы находитесь?

— Вы ещё не связывались с водителем?

— Нет. Решил, что важнее начать с Вас.

— Понимаю. Водитель знает, куда ехать.

— Откуда ему это известно?

— Когда нас назначали, нам были даны краткие инструкции. Местоположение летательного средства среди них.

От слова «инструкции» полковника покорило. Он сразу же представил, что и пилоту, и водителю посчастливилось встретиться с Архиповым, их также везли в неизвестном направлении, а потом инструктировали, выдавая жалкие обрезки информации, после которых вопросов возникало ещё больше.

— Тогда до встречи, — после небольшого промедления Пантелеев вернулся к Кольту.

— До встречи, Николай Петрович.

Полковник нажал на коммутаторе на значок самолета, и вызов прервался. В его голове, словно заезженная пластинка, крутилась одна и та же фраза: «Вы исходите из того, что на поверхности Земли ничего нет». Где-то глубоко в сознании полковника зародилось странное сомнение, которое грозило перейти в ощущение, что его водят за нос. Но мысли об этом пугали его ещё больше, чем летящий на землю таинственный объект, поэтому он решил пока сфокусироваться на другом. Пантелеев нажал на значок машины на «ключе» и скоро увидел уже знакомое лицо водителя.

— Николай Петрович, рад снова вас видеть.

— И я. Мне неудобно, но я не знаю, как вас зовут.

— Дмитрий Терентьев.

— А по отчеству?

— Отчество? Ну что вы, Николай Петрович, какое отчество. Можно просто Дима.

— Я хотел ещё раз поблагодарить за цветы.

— Надеюсь, Вашей супруге они пришлись по нраву.

— Она была в восторге. Скажи, ты знаешь, где находится самолет?

— Да

— Долго туда ехать?

— Полчаса, не более.

— Как полчаса? В понедельник утром? Куда же мы доедем за полчаса?

— Я думал, мы не совсем поедим...

— Не понял.

— Николай Петрович, у нас высшая категория...

— Доступа?

— Именно.

Пантелеев поругал себя за то, что прервал водителя, вспомнив, что ещё недавно возмущался Архиповым, который регулярно так делает.

— Дима, прости, что перебил.

— Николай Петрович, не перебили, а сыграли на опережение и верно ответили на свой же вопрос.

Пантелеев облегченно выдохнул.

— А что значит высшая категория доступа?

— Мы можем в любой момент перейти с езды по дороге на полет в воздухе.

— Неожиданно.

— Привыкайте, Николай Петрович. Вы когда-нибудь уже летали на машине?

— Однажды.

— И как, понравилось?

— Сложно сказать.

— А если машина может летать, то зачем самолет?

— Машина может преодолеть по воздуху строго ограниченную дистанцию. Да и скорость лимитирована.

— Логично.

— Возможно, когда-нибудь в будущем, лет через десять-пятнадцать, машина сможет заменить самолет. А ещё лет через пятьдесят в космос сможет полететь.

Пантелеева эта фраза здорово задела, он почувствовал, как его словно передернуло.

«Через десять лет... Под землей машина вряд ли нужна будет», — подумал полковник про себя.

Он постарался быстро сменить тему, чтобы не выдать резкой перемены в своем настроении.

— Тогда сфокусируемся на том, что есть сейчас. Нужно добраться до самолета.

— Жду вас, Николай Петрович.

— Где ждешь?

— Как где? На подземной парковке, стою рядом с вашим «москвичом».

— Я скоро спущусь.

Разговор был завершен, и Пантелеев начал суетно собираться, пытаясь прикинуть, что ему потребуется в пути. Он достал из шкафа рабочий дипломат и начал складывать туда рабочие папки, блокноты, черновики, но потом, словно придя в себя после горячки, поспешил разложить всё по своим местам. Поборов суетность с помощью техники трёх вдохов, он быстро вернулся к компьютеру и нашел номер своего помощника.

— Александр? — обратился Пантелеев, ощущая несказанную радость, что звонит по обычному телефону и просто слышит голос собеседника, а не видит ужасающую голову перед собой.

— Да, слушаю вас, — послышался немного растерянный голос на другом конце телефона.

— Это Николай Петрович Пантелеев, — напористым тоном сказал полковник.

— Да, Николай Петрович, здравствуйте. Спасибо что связались со мной, я ждал вашего звонка, но не был уверен, когда именно вы позвоните, — ответил Александр, словно оправдываясь за что-то.

— Приезжай в Центр прямо сейчас. Я распоряжусь, чтобы тебя проводили до моего кабинета, компьютер будет включенным. Читай почту, изучай файлы, принимай дела.

От такого напора Александр ещё больше растерялся.

— Ээ, да, да, конечно. Я просто думал, что Вы... Что мы вместе, Вы мне...

Неуверенность Александра почему-то здорово возмутила полковника. Он посчитал, что если его помощник был выбран, то он должен быть в курсе всех дел. И тут до него дошло, что это его уязвленное самолюбие всюду бушует. Слишком много важных решений было принято за него в последние несколько дней, и Александр оказался отличным объектом, чтобы выплеснуть на него накопившуюся раздраженность и злобу. Поняв, что такому поведению нет оправдания, Пантелеев поспешил закончить разговор с Александром, не усугубляя положение дел.

— За вас поручились, сказав, что вы очень способный человек. Вы справитесь, — сказал полковник, не дав Александру закончить свою мысль. Пантелеев чётко шел по стопам Архипова.

— Да-да, конечно, Николай Петрович. Простите. Я начну собираться сейчас же.

Голос Александра уже не звучал так неуверенно. Полковник подумал, что, возможно, Архипов не так уж и плох, и речь не про недостаток в воспитании или профессиональной деформации, а просто его стиль действительно может быть крайне действенным. Но несмотря на то, что размышления завели его в такую плоскость, Пантелеев признался сам себе — Архипов ему, скорее всего, просто неприятен, оттого и манера его разговора ему не нравится.

Разговор с Александром был завершён так же стремительно, как и начат. Пантелеев подготовил свой компьютер, распорядился пропустить своего нового помощника и спешно покинул кабинет, направляясь на подземную парковку.

Глава 16

Черная, хромированная и невероятно элегантная «Чайка» была аккуратно припаркована на соседнем с москвичом месте. В этот момент полковник испытал пленительное чувство предвкушения, что теперь он будет передвигаться на таком автомобиле. Подойдя к машине, он принялся жадно изучать её. Пантелеев всегда уделял особое внимание всему, что его окружало, вне зависимости от того, были ли это люди или какие-то вещи. Этому его научили родители, которые с детства твердили, что «надо сначала все изучить, обдумать и только потом действовать». Эти наставления проникли так глубоко в голову Пантелеева, что всю свою жизнь он именно так и поступал, за что частенько благодарил своих родителей. Но сейчас внутри полковника главенствовал автолюбитель, а перед ним стояла мечта, о которой ещё недавно он даже не осмелился бы подумать.

«Чайка» была невероятно хороша, можно даже сказать, эффектна. Она выделялась своим породистым внешним видом на фоне остальных машин, которые сейчас казались Пантелееву приторно зализанными. Даже его любимый «москвич», истинный объект гордости, выглядел блеклой формой на фоне величественной «Чайки». Каждый элемент кузова был безоговорочно прекрасен, а всё вместе это было настоящим эталоном автомобильного искусства.

Правда, Пантелеев сразу же смекнул, что такой безукоризненный внешний вид будет и главным недостатком автомобиля, ведь он неизбежно будет приковывать к себе внимание. Единственное, что ему было известно о «Чайке», — в какой-то момент машина была похоронена в исторических архивах, лишь изредка встречаясь в винтажных фотоколлекциях или у любителей раритетных машин. О том, что производство было возобновлено, нигде не говорилось ни слова, отчего полковнику на душе становилось ещё теплее, ведь ему достался по-настоящему уникальный экземпляр.

Завидев приближающегося Пантелеева, Терентьев вышел из машины, сделал несколько небольших и неуклюжих шагов навстречу полковнику и остановился. Пантелеев заметил, как лицо водителя скривилось во время движения, но после остановки Терентьев расплылся в широкой улыбке, оголив желтоватые неровные зубы. Он был одет строго: черный костюм, белая рубашка, неумело завязанный галстук и острые ботинки, которые, кажется, окунули в гуталин от мыска до пяточки. Терентьеву на вид было не больше тридцати лет, высокий, худошавый, голова узкоовальной формы, поэтому, когда он широко улыбнулся, появлялось ощущение, что места на лице для такой размашистой улыбки не хватит. Костюм явно был ему не по размеру: брюки мешковато висели на ногах, свернувшись гармошкой внизу, пиджак провисал в плечах, а рукава, наоборот, были чуть коротки, оголяя косточки на запястьях. На правой руке Терентьев носил объемные часы, которые по размеру были едва ли не больше его кисти.

Испытав небольшой дискомфорт из-за того, что Терентьев стоит и ждет его, Пантелеев ускорил шаг. Он никогда не любил, а иногда и вовсе презирал привычные для общества проявления чинопочитания, хотя из уст военного это и звучало странно. Вот и сейчас, окидывая взглядом молодого человека, Пантелеев понимал, что выходить и встречать его таким образом было совсем необязательно.

Когда Пантелеев и Терентьев оказались друг от друга на расстоянии вытянутой руки, водитель сделал робкий шаг вперед, протянул правую руку и немного наклонился вперед, желая выказать полковнику уважение. Пантелеев, нахмутив брови, протянул в ответ руку, но Терентьев, желая произвести впечатление, моментально пустил в дело левую руку, в итоге во время рукопожатия кисть полковника оказалась между двумя жилистыми руками водителя.

— Николай Петрович, доброе утро.

— Привет, Дима.

— Позвольте мне сказать, что для меня большая честь работать с вами. Большое спасибо, что выбрали меня.

— Да я, собственно, и не выбирал. Так вышло.

— В любом случае, я очень рад, большое спасибо.

Высвободив свою руку из оков Терентьева, полковник решил задать беседе немного другое направление, чтобы избежать бесконечных благодарностей, восхищений и прочих приторных любезностей.

— Пока меня, Дима, благодарить не за что. Это я у тебя в долгу за цветы. Это ты знаешь, куда нам надо ехать, так что пока я должен тебе говорить спасибо.

Небольшая, по-юношески застенчивая улыбка выдала смущение Терентьева. Пантелеев продолжил.

— Что тебя беспокоит?

— Ничего, Николай Петрович.

Пантелеев пронзительно посмотрел на молодого человека, и тот, немного покраснев, потупил взгляд.

— Сначала ты так бойко пошел мне на встречу, а потом остановился. Почему?

— Да я не знаю, так просто получилось. Я... Я хотел вас поприветствовать, но потом подумал, что... Что вдруг это неприлично, я же все-таки водитель, а вы...

— И все-таки. Что тебя беспокоит? — чуть напористее спросил Пантелеев.

Терентьев замялся.

— Я хотел произвести на вас впечатление, купил новый костюм и ботинки, а они так сильно натерли ногу.

— Эх, нынче машины летают, а ботинки все также натирают. Может, не на то тратят деньги и силы ученые?

Молодой человек неуверенно пожал плечами.

— Дима, у нас с тобой, судя по всему, впереди долгий путь. Давай оговорим некоторые моменты сразу.

Зрочки водителя расширились, он не на шутку испугался, словно школьник, которого вот-вот отчитает учитель.

— Мне неважно, во что ты одет. Уж тем более не стоило ничего покупать. Ботинки эти оставь для другого случая.

Терентьев выдохнул, и следы недавнего страха стали потихоньку растворяться в овальной форме лица.

— Надевай, что хочешь, носи любую обувь. Пусть единственным критерием выбора будет удобство.

— Но я... Но вы...

— Удобство.

— Да, Николай Петрович.

— У тебя есть с собой сменная обувь?

— Нет, я не взял. Не думал, что натрет. Продавщица говорила, что кожа у ботинок очень мягкая.

— Тут рядом есть спортивный магазин. Заедем туда, купим тебе удобные кроссовки, а потом сразу на самолет.

Полковник увидел, что Терентьев засомневался и хотел что-то возразить.

— Возражения не принимаются. Поехали.

Они оба развернулись и направились к машине — Терентьев на место водителя, а Пантелеев, обходя машину, сначала направился на место пассажира, но потом, словно почувствовав какой-то позыв, исходящий изнутри, сделал ещё два шага вперед и оказался перед задней дверью. Стоя между москвичом и «Чайкой», провел рукой по своей машине. На секунду ему даже

показалось, что он испытывает нечто вроде угрызания совести, будто на глазах своей семьи садится в машину к другой семье, оставляя первую навсегда. Пантелеев ухмыльнулся от такого сравнения, а когда открыл дверь «Чайки» и почувствовал приятный запах нового автомобиля, то от угрызений совести не осталось и следа. Несмотря на то, что раньше полковник уже ездил на этой машине, сегодня все воспринималось иначе. Впрочем, и он уже был не в статусе пассажира, которого куда-то везли по чьей-то указке, сегодня он восседал на автомобильном троне, руководя процессом. Оказавшись внутри «Чайки», Пантелеев сразу же оценил высокий уровень комфорта. Задние сиденья была рассчитаны на двух человек, посередине выдвигался, как удалось обнаружить в ходе изучения, большой и удобный подлокотник с кучей разных подсвечивающихся сенсорных кнопок. Полковник застыл, изучая их все под аккомпанемент ребячского интереса.

— Николай Петрович, давайте я вам все расскажу, — начал Терентьев.

— Всё — это что? — ответил Пантелеев, не желая, чтобы процесс изучения машины был прерван.

— Перед тем как мне выдали эту машину, я прошел тщательный инструктаж.

— Какой-то особенный?

— Конечно. Ведь это не обычная машина.

— Верно-верно. Она действительно летает?

— В этом можете не сомневаться.

— Интересно, интересно.

Пантелеев был поглощен изучением салона — он оценивал кожу, качество строчки, проводил рукой по потолку, проверял на прочность подголовники. Когда же наконец он удовлетворил свой эстетический интерес, то обратился к Терентьеву, который не стал отвлекать своего начальника от важного дела.

— Значит, она летает? — вернулся к беседе полковник.

— Наша — да! — гордо ответил Терентьев.

— Наша? — удивлённо переспросил Пантелеев.

— Ну да... — смущенно принялся объяснять Терентьев. — Там, под фабрикой, было десять «Чаек». И я точно знаю, что не все летают.

— Вот как? — полковник попытался изобразить удивление, чтобы скрыть разочарование своей наблюдательностью. Он никак не мог взять в толк, как он во время субботней поездки проглядел все детали такой удивительной машины.

— Да... — Терентьев был в недоумении. Он не мог понять, то ли он говорит что-то не то, то ли Пантелеев действительно не в курсе того, о чем он говорит. — Так вот, во время нашего обучения я иногда перекидывался словами с другими водителем, хотя нам это и было запрещено...

Терентьев быстро посмотрел на Пантелеева через зеркало заднего вида.

— Вы не подумайте, ничего такого, я вообще правила не нарушаю, просто обсуждали машины, только-то и всего, — совсем разнервничался Терентьев.

— Разговаривал и ладно. Так что с «Чайкой» -то, которая не летает? — спокойно спросил Пантелеев, которому на самом деле было очень интересно, что ему расскажет Терентьев. За годы своей работы он давно понял, что самые ценные сведения могут быть в руках у людей, которые даже не подозревают об этом.

— Мы обсуждали «Чайки», оба в восторге. И вот в порыве обсуждения Антоха... Ой, Антон, то есть он, просто он. Так вот, он признался, что его «Чайка» может плавать под водой... Представляете, под водой? А вдруг и наша может?

— А ты успел похвастаться нашей машиной?

— Нет, он когда сказал это, то понял, что сболтнул лишнего, и мы после этого толком и не общались...

Поняв, что самое интересное уже было рассказано, полковник предложил Терентьеву выдвигаться. Тот охотно согласился и достал из пиджака чёрное приспособление, которые полковнику показалось до боли знакомым.

— А что это у тебя?

— Занимательная вещица, — добродушно ответил Терентьев, но быстро смекнул, что был неправ. — Ой, вещь. Простите, вещь, конечно.

Пантелеев порадовался, что Терентьев наконец-то расслабился, ведь в его речи стали проскальзывать простые словечки. Легкая и непринужденная манера общения нравилась полковнику куда больше, чем первоначальный официоз.

— Это ключ от машины и средство связи с вами. Одновременно. Прикладываю большой палец и могу позвонить вам, а когда подхожу к машине, то она самостоятельно открывается. А чтобы завести, надо вставить её вот сюда.

Упрощенная версия «колибри» оказалась в специальном разъёме, машина завелась, и по периметру салона раскинулось приятное светло-желтое освещение. Пантелеев обратил внимание на панель приборов — это был один большой сплошной экран в виде буквы «Т», на котором сразу же появилось пространное меню, разные показатели и функции.

— Я тут попытался разобраться с кнопками, но решил проконсультироваться с тобой. А то нажму что-то не то...

— Начинаю с верхнего ряда и иду слева направо.

Терентьев взял небольшую паузу, развернулся к полковнику, насколько ему позволял пристегнутый ремень, сморщил лоб, явно пытаясь что-то вспомнить.

— Так. Первая кнопка — эээ... Там сложное название официальное, но если вы хотите с кем-

то поговорить, чтобы я ничего не слышал, то жмите на нее. Вторая кнопка — ваш персональный компьютер, но вы должны вставить в разъем какой-то ключ, сказали, вы знаете.

Терентьев словно студент на экзамене немного замешкался, пытаясь вспомнить ответ на свой билет, но после недолгих потуг, продолжил рассказывать, не без труда доставая информацию из недр своей памяти.

— Третья кнопка — на экстренный случай. Можете нажать.

Пантелеев обрадовался, ему с самого начала хотелось испытать в действие какую-нибудь кнопку. Из впереди стоящего кресла открылось небольшое квадратное отверстие, откуда выехал пистолет и две запасных обоймы. Полковник встревожился.

— А это зачем?

— Экстренный случай, — ответил Терентьев, явно повторяя ответ, который он запомнил во время обучения.

— Остальные кнопки самые обыкновенные — громкость, переключение музыки, радио, температура воздуха, свет. А вот эта кнопка — он показал на большую квадратную посередине — карта нашего движения. Нажмёте и увидите, где мы едем. Или летим, — заулыбался Терентьев. Последний комментарий про полёт ему явно доставил особую радость, он заранее приготовил эту шутку.

Поняв, что информации достаточно, полковник решил, что пора ехать.

— Сначала кроссовки, потом самолет. Не будем терять время, — распорядился Пантелеев.

Терентьев переключил скорость, и машина плавно двинулась с места.

Глава 17

С кроссовками разделались быстро, несмотря на внушительный размер ноги Терентьева — 46-ой. В новой обуви парень выглядел нелепо. Если ботинки, пускай и неудобные, хоть как-то сглаживали недостатки костюма, который совершенно не сидел на нем, то кроссовки орали во всеуслышание, что они сами по себе и к этому образу не имеют никакого отношения. Но теперь Терентьев передвигался без каких-либо признаков боли, а значит, самая главная задача — удобство — успешно выполнена.

Когда они снова оказались в машине, Пантелеев решил уточнить, где стоит самолет.

— Где находится самолет? В одном из аэропортов Москвы?

— Нет. Он находится где-то недалеко от города, в западном направлении.

— Где-то? Я думал, ты знаешь, куда нам ехать.

— Знаю, но я там не был ни разу. У меня есть лишь координаты.

— Мы полетим?

— Решать вам, Николай Петрович.

Полковник ненадолго задумался. Сначала ему показалось, что никакой спешки нет и они могут спокойно добраться до места назначения классическим способом. Потом он подумал, что раз уж его наделили такими полномочиями и на кону стоит судьба человечества, то зачем ограничивать себя. Решающее слово в этот непростой спор внесли детский интерес и азарт, которые решили, что надо лететь.

— Летим.

Полковник увидел из-за спины, как широкая улыбка Терентьева снова вышла за границы его овальной головы.

— Найдем переулок потише и в путь.

— Зачем?

Не успел Терентьев ответить, как Пантелеев сам дошел от ответа. «Чайка» и без того привлекала внимание, а если ещё и полетит, то одним привлечением внимания точно не обойдется.

— Можешь не отвечать, я сам понял, — спешно добавил Пантелеев.

Терентьев свернул в ближайший переулок, затем ещё в один, а потом выехал на узкую тупиковую улицу. В самом конце стоял старый, полуразваленный дом, в котором когда-то жил не то писатель, не то актер, о чем сообщала небольшая табличка на покосившейся стене дома. Напротив же было и вовсе заброшенное здание, в котором, судя по его удручающему внешнему виду, никто и никогда не жил.

— Хорошее место, — отметил полковник.

— Если ничего срочного нет, то лучше не привлекать внимание.

— Верно.

Терентьев повернул голову и попросил Пантелеева пристегнуться. И хотя он старался быть серьезным и сосредоточенным, его лицо выдавало ребенка, которому не терпится полетать.

Полковник без лишних вопросов следовал инструкциям своего водителя, параллельно внимательно следя за его действиями. Терентьев начал двигать правой рукой по большому сенсорному экрану, комментируя свои действия.

— Сначала нам надо подготовиться к полету и перейти в соответствующий режим, — начал Терентьев.

Полковник услышал, как что-то в недрах машины начало двигаться, раздались щелчки и звуки, характерные для самолета. На большом экране была изображена «Чайка», которая загорелась зеленым цветом.

— Системы в норме, — продолжил водитель.

Далее легкое движение длинного указательного пальца Терентьева, и с внешней стороны на все стекла начала надвигаться ребристая сетка, отдаленно напоминающую ту, что вешают в квартирах от комаров.

— Мы переходим в режим невидимости. Никакого внимания, — голос Терентьева веселел с каждым действием.

Пантелеев опешил. Невидимая и летающая машина? Конечно, он слышал, что такая технология была в разработке, но что она уже готова и установлена на «Чайку», его сильно поразило.

— Эта сетка сделана из специального покрытия. На самом деле машина полностью покрыта ею, просто под краской это не видно. Она позволяет передвигаться в режиме невидимости.

Теперь уже у Пантелеева начался легкий ажиотаж от предстоящего полета. На секунду он представил, что похож на героя какого-нибудь шпионского боевика.

«Пантелеев. Николай Пантелеев».

Полковник бросил взгляд на массивный капот «Чайки» и заметил, что краска начала медленно тускнеть, в некоторых местах стали появляться настоящие дыры, которые достаточно быстро расплзались по металлу, объединяясь друг с другом и быстро поглощая весь автомобиль.

Увидев реакцию полковника, Терентьев поспешил его успокоить.

— Вот мы и невидимы, — сказал он, попутно тыкая своим пальцем на экран.

На нем ещё недавно зеленая «Чайка» стала едва различимой, лишь контуры из слегка темного цвета выдавали наличие машины.

— А теперь пора взлетать, — объявил Терентьев.

Снова несколько ловких движений пальцем, и машина стала приподниматься.

— Гидравлические подъемники поднимают машину, чтобы двигатели сменили колеса.

— А где же двигатели?

— Прямо в колесах, смотрите.

Пантелеев устался на экран, разинув рот. Колеса неестественным образом выгнулись, и теперь мощные диски, украшавшие машину, смотрели в землю. Терентьев взялся двумя руками за руль и с нескрываемым восторгом проговорил.

— Держитесь. Взлетаем.

Полковник, лишь догадываясь, как произойдет взлет, крепко схватился правой рукой за ручку, расположенную в двери, и хорошенько уперся ногами в пол, максимально вогнав свое тело в роскошное кожаное сиденье.

Послышался негромкий шум двигателей, Терентьев поддал газу, и машина стала быстро набирать высоту, поднимаясь в воздух. Водитель воспользовался тем же переключателем скорости, что и в режиме езды по дороге, и машина полетела вперед. На экране было видно, как колеса, которые теперь служат двигателями, изменили угол. Через несколько метров послышался какой-то звук.

— Подъемники убраны. Все как в самолете, только там шасси, — небрежно бросил водитель, полностью поглощенный управлением.

Терентьев начал плавно набирать скорость, но полковник всё равно почувствовал, как он оказался вдавленным в кресло. На удивление двигатели работали очень тихо, лишь издавая несильный гул, который тонул в прочих звуках огромного города. Пантелеев посмотрел в окно двери, эмоции били через край, но он продолжал держаться за ручку, вцепившись в неё мёртвой хваткой.

— С какой скоростью мы летим?

— Пока сто километров в час. Сейчас вылетим за пределы города и можно будет побыстрее.

— А почему в городе нельзя?

— Меры предосторожности. Вдруг что.

— Сколько нам лететь?

— Думаю, минут за 20—25 доберемся.

Пантелеев поудобнее устроился в кресле и почувствовал, как резко накатила ноющая усталость, от чего его рука обмякла, наконец-то оставив ручку двери. Тут же проявило себя правое плечо, которое бесконтрольно болит в моменты физического истощения и сильного мороза. Странная, необъяснимая боль преследует полковника уже много лет, и ни один врач так и не смог поставить точный диагноз, после чего полковник просто смирился с этим. Пантелеев вяло смотрел в окно и наблюдал, как машина стремительно разрезала воздух, пролетая над городом. Пейзаж за окном становился все более и более расплывчатым, многоэтажные дома слились в однообразную серую массу, а деревья напоминали разлитую на полу краску. Несмотря на ожидания, полет не вызвал каких-то особенных эмоций, наоборот, Пантелеева одолели безразличие и апатия. Полковник закрыл глаза, но мысли в его голове беспорядочно плясали, одна за другой, и из-за этого даже глаза стали дергаться. Он попытался разобраться в неконтролируемом потоке сознания, и спустя какое-то время ему удалось вычленить что-то конкретное из своего мыслительного болота.

«Вы исходите из того, что на поверхности Земли ничего нет».

Эта фраза подобно ледоколу, безжалостно расправляющемуся с толстым слоем льда, разрывала Пантелеева изнутри.

«Что они задумали, о чем они умолчали?» — повторял он.

Наконец огромный ледокол стал сбавлять ход, и мысли в голове начали потихоньку угасать, глаза расслабились, а острая боль притупилась. Дрема не сразу овладела им: сначала она как бы посматривала на полковника издали, потом, выглянув из-за угла, помахала ему, обозначив свое присутствие, а после маленькими, кроткими шагами сближалась с ним, пока наконец-то они не воссоединились.

Открыв глаза, Пантелеев обнаружил, что растекся на кресле, как непослушное тесто. Терентьев предусмотрительно пододвинул пассажирское кресло сильно вперед, и он во сне вытянул ноги. Спросонья кинув быстрый взгляд в окно, увидел, что там был уже совсем другой пейзаж. Они пролетали над сплошным лесным массивом. Казалось, что все возможные оттенки зеленого цвета игриво переливались в лучах яркого и уже теплого майского солнца. Заметив, что полковник проснулся, Терентьев обратился к нему.

— Удалось поспать?

Пантелеев, ещё не до конца расставшийся с приятной дремой, не сразу среагировал на вопрос. Сначала слова Терентьева ему показались просто каким-то посторонним шумом, и только по мере того, как дрема его отпускала, он понял, что это был вопрос, адресованный ему.

— Весьма недурно.

— Сейчас будем садиться.

Полковник посмотрел вперед, однако не увидел ничего, что напоминало бы аэропорт или аэродром, но «Чайка» уже опускалась все ниже и ниже. В какой-то момент ему показалось, что машина вот-вот начнет задевать деревья.

— Не переживайте, Николай Петрович. Мы летим по приборам, так что деревья не задеваем.

Оценив проницательность Терентьева, полковник все равно испытывал легкую тревогу.

— Где мы будем садиться?

— Вон там.

Терентьев разогнул указательный палец, который, полностью вытянувшись, был пугающе длинным, однако в таком размере присутствовала какая-то изящность и грация. По правую руку был виден небольшой участок земли, окруженный лесом. С высоты птичьего полёта это напоминало огромный торт, в самом сердце которого кто-то аккуратно вырезал кусок. Терентьев повернул руль, и машина послушно накренилась вправо. Полковник заметил небольшое здание, издалека это напоминало небольшой ангар, и небольшую дорогу, которая совсем не была похожа на привычную взлетно-посадочную полосу. «Чайка» продолжила снижение скорости, пока наконец не зависла в воздухе, после чего начала горизонтально опускаться. И Пантелеев, уже полностью проснувшись к этому моменту, крутил головой по сторонам, внимательно изучая происходящее из каждого окна. Пристально глядя в левое окно, боковым зрением правого глаза он заметил какое-то движение. Повернувшись, стал наблюдать за длинным капотом, который стал появляться из ниоткуда. Сетки со всех стекол пропали, машина снова была доступна человеческому глазу. «Чайка» опустилась на подъемники, колеса сменили двигатели, и машина оказалась в привычном положении, полностью скрыв следы невидимого полета.

— Николай Петрович, мы на месте.

Полковник закрыл глаза, сделал три глубоких вдоха и открыл дверь.

Глава 18

Мощный поток свежего воздуха окатил Пантелеева с ног до головы. Привыкший к городской духоте, он с непривычки слегка даже попятился назад, не в силах сопротивляться необузданному лесному кислороду. Место, куда они прилетели, с трудом можно было назвать аэродромом. Это больше напоминало уединенный уголок для интроверта, идеальное место, чтобы остаться наедине с самим собой, напрочь отрезав любую связь с внешним миром. Взлетная полоса, которая находилась в самой середине, в длину была не более десяти метров. Полковнику бросилось в глаза, что асфальт был свежий, но непривычного цвета — светло-коричневого, неотличимого от цвета земли. Небольшое здание вблизи оказалось не таким уж маленьким. Это действительно был ангар, сливавшийся с окружением. Но самым значимым в этом месте был, конечно, лес. Пантелеев плавным движением развернулся, чтобы хорошенько оглядеться вокруг.

«Как красиво», — быстро заключил полковник, вспомнив многочисленные походы с отцом, в ходе которых он ему постоянно рассказывал про разные деревья, растения и природу в целом. Приятные воспоминания из детства, возникшие в голове, вызвали тепло, бегло распространившиеся по всему телу.

Пантелеев уже давно не выбирался на природу и совсем позабыл, как же тут красиво. Невероятно яркая и насыщенная цветовая палитра превращала лес в сказочное место. Майское солнце красиво освещало макушки деревьев, изредка пробираясь сквозь заросли и дотягиваясь своими теплыми лучами до ещё непрогретой земли. Легкий ветерок, колыхавший стволы и листья деревьев, постоянно заставлял переливаться солнечный свет, отчего создавалось ощущение, что лес — живой организм, у которого в самом разгаре активная деятельность. Удивительная, глухая тишина как бы заявляла, можно даже сказать кричала, во всеуслышание, что здесь царит безмятежность. Где-то вдали слышалось усыпляющее пение птиц, иногда перекликающее с кукушкой, которая, судя по звукам, была поблизости. Снова Пантелеев придался детским воспоминаниям, надеясь вызвать вторую волну тепла.

— Кукушка, кукушка, сколько мне осталось жить, — непроизвольно вытащил из своего детства полковник.

Но вместо приятного тепла по телу полковника прошла ледяная волна холода. Он вспомнил, почему он здесь оказался, и теперь ему совсем не хотелось знать ответа кукушки.

— А может, и не нужна мне Япония и маленькая деревенька? Построить дом в таком лесу, и встретить тут старость вместе с Олей, — романтично задумался Пантелеев.

Но предаваться детским воспоминаниям и мечтать о старости полковнику долго не пришлось. Из ангара навстречу вышло двое мужчин, одетых в форму пилотов. Пантелееву так не хотелось ничего делать, что он цеплялся за каждую секунду, словно дальше не было ничего, и эти последние мгновения — все, что у него осталось.

— Николай Петрович, рады вас приветствовать, — обратился один из пилотов.

Полковник сделал ещё один глубокий вдох, мысленно поблагодарив чудесное место и попрощавшись с ним.

— Пантелеев, Николай Петрович, — официально представился он, протягивая руку мужчине, который к нему обратился.

— Кольт, Сергей Сергеевич, командир воздушного средства, — последовал быстрый ответ.

Второй пилот сам протянул руку и также представился Пантелееву.

— Кольт, Вадим Николаевич, второй пилот.

Полковник окинул взором двух мужчин, стоящих перед ним. Это было удивительное сочетание несочетаемого — они одновременно были и похожи друг на друга, и отличались

буквально во всем. Оба среднего роста. Сергей не только был выше по званию, но и на вид выглядел на несколько лет старше Вадима. Оба имели одинаковую фигуру в форме груши — узкие плечи и талия терялись на фоне широких и не очень длинных ног. Сергей был одет в брюки свободного кроя, чтобы скрыть несовершенство своей фигуры, Вадим же, напротив, носил зауженные брюки, которые максимально подчеркивали непропорционально объемные конечности. Сергей был подтянут и держал осанку ровно, Вадим же стоял скрючено, от чего становился заметен свисающий живот. Лица пилотов были одинаковой круглой формы. Сергей носил очки с толстыми линзами в красной оправе, отчего его маленькие, узко посаженные глаза зеленого цвета делались необычайно крупными и больше подходили для какого-нибудь героя мультфильма. Вадим не носил очки, поэтому его аккуратные глаза терялись на фоне круглой физиономии. У обоих была одинаковая родинка на правой стороне лба, но у Сергея плоская и гладкая, словно ее кто-то расплющил, а у Вадима меньше, но при этом объемней. Цвет волос одинаковый, и залысины также идентично проявлялись у обоих. Однако Вадим старался это скрыть, тщательно зачесав волосы на бок, а Сергей, явно не слишком переживая по этому поводу, позволял легкому весеннему ветру играть с его прической, наглядно демонстрируя несовершенство человеческого тела. Единственное, где не наблюдалось никаких отличий, — массивные губы, которым позавидовала бы любая модель, и небольшие, ровные и немного оттопыренные в стороны уши.

— Вы, полагаю, братья? — аккуратно поинтересовался степенью родства пилотов Пантелеев.

— Двоюродные, — бойко ответил Вадим.

— И оба пилоты. Как здорово. Уверен, вам всегда есть о чем поговорить, — добавил полковник.

Братья игриво переглянулись и вместе заулыбались во весь рот. Пантелеев отметил, что к губам и ушам добавились идеально ровные и белые зубы.

— Скорее, нам всегда есть о чем поспорить, — сказал Сергей, задиристо смотря на брата.

— Да какие же это споры. Ты отрицаешь очевидное, а я пытаюсь тебя вразумить, — колко парировал реплику брата Вадим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.